

НИКОЛАЙ ДАМАССКИЙ

О своей жизни и своем воспитании

(фрагм. 1—9)

Перевод Е. Б. Веселаго

1 (Якоби, 131¹; Мюллер, 1²)

Suidas, Lex., Ἀντίπατρος: (1) Отец историка Николая Дамасского. Женою его была Стратоника, мать Николая. Они были известны в Дамаске не только своею скромностью, но и другими достоинствами. Ведь, обладая большим богатством, они нисколько им не гордились, а превосходя всех славою своего доброго имени, не придавали этому большого значения. (2) Тот же Антипатр отличался удивительною силою слова, но не употреблял его кому-либо во вред, а, наоборот, многим оказывал помощь, причем не только городу в целом, но и отдельным гражданам. Справедливее кого бы то ни было улаживал он многие споры как граждан друг с другом, так и родного города с соседними властителями. И за это он пользовался всеобщим почетом. Ему часто доверяли посольства и посредничества, а на родине он прошел все городские должности. (3) Умирая, он ничего другого не поручил своему сыну Николаю и брату его Птолею, как только сделать после его кончины курительницу Зевсу, что было им раньше обещано этому богу. Я думаю, он хотел показать, что даже умирающему, потерявшему надежду на жизнь, все же необходимо выполнить свой долг перед богами.

2 (132; 2)

Suidas, Lex., Νικόλαος: (1) Он изучил все науки, так как о том особенно позаботился и его отец, который своим богатством и славою сам был обязан образованию. Охваченный непреодолимым стремлением к знаниям, Николай значительно расширил их, тем более, что от природы у него были хорошие способности. Таким образом, прежде чем стать взрослым, он уже был на хорошем счету в родном городе, выгодно отличаясь от своих сверстников. Он лучше всех изучил грамматику, а при помощи ее и все поэтическое искусство; он сам писал трагедии и хорошо известные комедии. Несколько позднее, когда силы его возросли, а вместе с ними возросли и его возмож-

³⁸ Основная работа: E. Reimann, Quo ex fonte fluxerit. Nicolai Damasceni παραδοξων ἐθνων συναγωγή, «Philologus», т. 54, Göttingen, 1895, стр. 654.

¹ Номер фрагмента по изданию F. Jacoby, Die Fragmente der griechischen Historiker, Fr. 2, Zeitgeschichte, A, стр. 420, В., 1926.

² Номер фрагмента по C. Müller, Fragmenta Historicorum Graecorum. T. III, стр. 349, P., 1849.

ности, он стал заниматься ³ риторикой, музыкой, математикой, стал изучать различные философские учения. (2) Став ревностным последователем Аристотеля и высоко оценив разнообразную ученость этого человека, он говорил, что навсегда сохранит благодарность наукам за то, что они содержат и много прекрасного и много полезного для жизни. Но особенно он благодарен им за то наслаждение, которое они доставляют как в юности, так и в старости. Он говорил, что пишущие о богатых потому, вероятно, допустили существование многих муз, что науки очень разнообразны и имеют различное применение в жизни. Он считал, что как знание, так и незнание этих наук не одинаково ⁴ со знанием или незнанием низких, но, наоборот, незнание этих наук и знание низких позорно для людей с надлежащими средствами к жизни. Не бывало, чтобы он использовал какую-нибудь науку с целью обмана.

(3) Николай говорил, что всю область знания можно сравнить с путешествием. Как чужестранцам, совершающим длинное путешествие, случается во время страствий в одних местах только останавливаться и ночевать, а в других только завтракать, в одних пробыть несколько дней, а другие осмотреть мимоходом и, возвратившись, наконец, жить в родном доме, таким же образом, проходя через науки, нужно, говорил он, в одних занятиях проводить больше времени, а в других меньше, одно изучать полностью, другое — частично, третье использовать лишь в основном. Усвоив в них все полезное, нужно, говорил он, вернуться к своему поистине родному дому — к философии — и заниматься ею.

3 (133; 3)

Exc. De virt., I, p. 326, 3⁵: ... ⁶ признав ⁷ как философа и человека, забывшего об обидах, он ⁸ стал относиться к нему с еще большим уважением и благодарностью.

4 (134; 3)

Exc. De virt., I, p. 326,5: Один благожелательный к людям поступок был совершен в угоду Николаю. Дело в том, что Юлия, дочь Цезаря и жена Агриппы, направляясь в Илион, едва не погибла вместе с сопровождавшими ее рабами при ночной переправе через сильно разлившийся из-за дождей Скамандр. Жители же города ничего об этом не знали. Агриппа разгневался на них за то, что они не пришли ей на помощь, и потребовал в виде наказания уплаты ста тысяч ⁹. Илионцы, не ожидавшие ни наступления ненастья, ни того, что молодая жена Агриппы выехала, оказались в тяжелом положении, но решительно ничего не посмели сказать Агриппе. Прибывшего же к ним Николая они умоляли просить для них помощи и защиты у Ирода. Помня о былой славе Илиона, Николай очень охотно взял на себя это поручение и попросил царя ¹⁰ и объяснил ему все, сказав, что несправедливо гневается на илионцев Агриппа, без предупреждения пославший к ним свою жену, тем более, что они вообще не ожидали, чтобы она ехала ночью. Взяв на себя защиту илионцев, Ирод добился, наконец, освобождения их от наказания, но, так как они, потеряв надежду на прощение долга, уже уехали, он отдал письмо об этом Николаю, направлявшемуся на Хиос и Родос, где у него находились сыновья. Сам же Ирод отправился с Агриппой в Пафлагонию. Николай, плывя из Амисоса в Византий и оттуда в Троаду, прибыл в Илион и отдал письмо с известием о прощении долга. И ему, а еще больше царю, илионцы оказали величайшие почести.

³ Принято чтение Мюллера, ук. соч., стр. 349.

⁴ Текст этого места дошел в сокращенном виде.

⁵ *Excerpta Historica iussu imperatoris Constantini Porphyrogenetiae collecta*, т. III, ed. C. De Boor, В., 1905.

⁶ Начало не сохранилось.

⁷ Николая.

⁸ Ирод.

⁹ Серебряных драхм.

¹⁰ Ирода.

5 (135; 4)

Exc. De virt., I, p. 327,3: Ирод, забыв о своей любви к философии, снова увлекся ораторским искусством. Такие вещи обычны для людей, занимающих высокое положение, так как они имеют возможность забавлять себя множеством развлечений. Ирод заставил Николая заниматься с ним риторикой, и они вдвоем упражнялись в ней. Потом Ирод увлекся историей. Ведь Николай хвалил занятия ею, говоря, что она имеет важнейшее отношение к управлению делами царства и что царю полезно иметь описание деяний и судеб предков. Увлечшись этим, Ирод увлек и Николая, убедив его работать над историей. Николай с большим увлечением принялся за дело и составил всеобщую историю, взяв на себя такую работу, от которой отказался бы всякий другой. Усиленно трудясь в течение долгого времени, он, наконец, закончил ее. Он говорил, что если бы Эврисфей предложил совершить этот подвиг Гераклу, то, конечно, обессилил бы его. Позднее, отправляясь в Рим к Цезарю, Ирод взял на свой корабль Николая, и они вместе занимались философией.

6 (136; 5)

Exc. De insid., p. 1, 3: ¹¹ (1) В поход против Аравии Ирод отправился без ведома Цезаря. Возмущенный этим, Цезарь сильно разгневался на него и посылал ему грозные письма, а пришедших от Ирода послов отпустил не так, как это полагалось. Прибывший к Цезарю Николай не только избавил Ирода от обвинений, но и обрушил гнев Цезаря на самих обвинявших ¹²... Итак Араб уже умер ¹³. Цезарь под влиянием Николая обвинил в этом прокуратора и позднее за новые преступления предал его жестокой смерти. (2) В это время в доме Ирода все находилось в смятении, так как старший из его сыновей оклеветал двух своих младших братьев, будто они что-то замышляют против их отца. Хотя эти братья по возрасту и были младше его, но по своему положению оказывались первыми, так как они родились от царицы, а он от простой женщины. (3) Еще до возвращения Николая из Рима юноши были осуждены в синедрионе, и отец, вне себя от злобы, уже собирался их казнить. Возвратившемуся Николаю он рассказал о случившемся, прося его совета. Николай предложил держать их заключенными в какой-нибудь из крепостей до тех пор, пока отец сможет, не торопясь, правильно решить участь своих сыновей. Иначе может показаться, что непоправимое решение судьбы своих близких принято им под влиянием гнева. (4) Узнав об этом, Антипатр стал с подозрением относиться к Николаю. Кроме того, он, подсылая одних людей за другими, пугал отца, говоря, что если отец не устранил юношей со своего пути, то немедленно будет ими убит, так как они, по его словам, подкупили все войско и дворцовых слуг. Ирод в страхе за свою жизнь принял не столько хорошее, сколько быстрое решение, а именно: ничего не сказав Николаю, подослал ночью к сыновьям убийц, которые их и убили. Для Ирода это стало началом всех его бед, тогда как до этого дела его шли хорошо. (5) Итак, Антипатр считал Николая врагом. Антипатра, убийцу братьев, страшно ненавидели не только в его царстве и в Сирии, но и за их пределами. Весть об убийстве дошла и до Рима, и не было никого, кто, малый или великий, не возненавидел бы этого человека по двум причинам: и потому, что он убил братьев, значительно лучших, чем он сам, и потому, что он убедил отца принять участие в гнусном деле и тем осквернить свою прежнюю любовь к сыновьям. (6) Антипатр, торопясь скорее захватить царскую власть, продолжал совершать поступки, подобные прежним. Купив яд из Египта, он собирался совершить покушение на жизнь отца, о чем сообщил один из участников заговора. Отец стал пытать рабов своего сына. Они, разумеется, все открыли, сказав, что Антипатр хотел убить тетку и остальных братьев, а также детей убитых, чтобы не оставить в живых ни одного наследника. Замыслил он нечто и против

¹¹ *Excerpta Historica...* т. II, ч. I, Berolini, В u e t t n e r — W o b s t, 1903.

¹² После «обвинявших» — лакуна.

¹³ Обода, арабский халиф. Он был убит своим прокуратором Силлеем.

дома Цезаря еще более возмутительное, чем преступление против своего рода. Приехал префект Сирии Вар и остальные наместники. Отец созывает синедрион. Предъявлен яд, представлены показания рабов, полученные под пыткой, и письма из Рима. Царь поручает суд Николаю. (7) Он обвинял. Антипатр защищался. Судил же Вар с друзьями. Антипатр был осужден и приговорен к смерти. Но так как Антипатр был виновен и перед Цезарем, то Николай даже после приговора советовал послать его к Цезарю и сделать то, что решит последний. Но прежде чем отправили Антипатра, от Цезаря пришло письмо, предоставляющее отцу право самому наказать своего сына, что и было сделано. А Цезарь убил и помогавшую Антипатру вольноотпущенницу. И не было никого, кто не хвалил бы Николая за его искусное обвинение убийцы отца и братьев. (8) Спустя немного времени царь скончался. Народ восстал против его детей и против греков. Было же их более десяти тысяч. В происшедшем сражении победили греки. Наследник Архелай собирался вместе со своими братьями плыть в Рим, чтобы закрепить за собой царскую власть, и пригласил с собою Николая, думавшего возвратиться домой: ведь ему было уже около шестидесяти лет. (9) Однако он отправился с Архелаем. В Риме он нашел множество противников Архелая. В частности, младший брат домогался для себя царской власти, а, кроме того, все родственники, хотя и не помогали ему в этом, однако выступали против Архелая. Прислали посольство и бывшие под властью Ирода греческие города, добиваясь у Цезаря свободы. Весь же иудейский народ обвинял Архелая в убийстве трех тысяч человек, павших в битве с греками. Иудеям больше всего хотелось находиться под управлением Цезаря или в крайнем случае под управлением младшего брата. (10) Так как было предъявлено столько притязаний, то Николай, выступая за Архелая, сначала благополучно закончил дело с родственниками, а затем и с иудейскими подданными. Дело же с греческими городами он не стал улаживать, но убеждал Архелая не противиться им, жадно стремящимся к свободе. Ведь хватит с него и остального царства. Не хотел он также выступать против брата Архелая в знак любви к их общему отцу. (11) Цезарь разрешил все споры, дав каждому из сыновей часть царства. Архелаю он дал половину. И Николаю оказал почет. Архелая поставил этнархом, обещая сделать его скоро царем, если он проявит качества, достойные царя. Младших братьев, Филиппа и Антипу, он назначил тетрархами.

7 (137; 6)

Exc. De virt., I, p. 327, 18: (1) Все, чему учил Николай, проявлялось в его поступках. Деньги не имели над ним власти. Он ничего неподобающего не сделал ради них. Скорее щедрость считал он вопросом чести. (2) Он презирал какие бы то ни было наслаждения, что, пожалуй, может показаться особенно удивительным в человеке, часто проводящем время с царями и наместниками. Был он суров по природе и умел обуздывать свою натуру, считая рабами тех, кто не может устоять перед такого рода наслаждениями. Постоянно восхвалял он умеренность и простоту, хотя там, где нужно было блистать, он был щедр и не мелочен, боясь заслужить славу человека низкого образа мыслей. В труде, если это было необходимо, он был выносливее и неутомимее всех, и не только в молодые годы, но и в старости. Там, где ему грозила опасность со стороны врагов или разбойников, от болезни, во время бури на море или по какой-нибудь другой причине, он сохранял спокойствие, неизменно внушая бодрость всем своим товарищам по несчастью. Что касается справедливости, то он был до такой степени тверд и неутомим, что, совершая суд, подвергался даже угрозам некоторых наместников за то, что не хотел поступать несправедливо. (3) Многие выбирали его судьей или посредником, так как его справедливое отношение ко всем было очевидно. Все, даже плохие люди, хвалили его за порядочность в деловых соглашениях и во взаимоотношениях с частными людьми. С ним не было необходимости в свидетелях или в письменных документах, так как слово его было твердо. (4) Никто не будет гордиться более скромным и рассудительным нравом и на улицах и на дорогах...¹⁴ (5)..., проводя время в фило-

¹⁴ Не хватает листа.

софских беседах, для философа слава, почет, а также получение подарков и других выгод от властителей есть естественная награда за его труды. (6) Кому же больше пристало пожинать плоды великого ума и усердия, чем такому человеку? Ведь, конечно, не плохому и не недостойному. Философ пользуется этим не безрассудно, а с умеренностью, подобно тому как Николай использовал свою известность и богатство не на плохое, но скромно и на общее благо простых людей. Он считал, что никогда не надо называться гражданином чужого города, но только своего. Он осмеивал современных ему софистов, которые, стыдясь своих малоизвестных городов, за большую плату покупали себе право называться афинянами или родосцами. (Некоторые даже писали о том, что они происходят не из того города, из которого на самом деле происходили, но из какого-нибудь другого, лишь бы посящего греческое имя). Он уподоблял их людям, стыдящимся своих родителей.

8 (138; 6)

Exc. De virt., I, p. 328, 26: Некоторые обвиняли Николая за то, что, получив от друзей большие деньги, он не берег их, а также за то, что он вел много бесед с простыми людьми, избегая находящихся в Риме самых влиятельных и богатых. И хотя много знаменитых людей настойчиво его приглашали, он никогда к ним не ходил, но целые дни проводил в философских размышлениях. Говоря о деньгах, он оправдывался тем, что обладание, например, лирой или флейтой само по себе ничего не стоит. Самое главное — применение. Тот заслуживает порицания, кто расточает свое имущество на распутство или тратит его только на себя, или вообще живет безрассудно и плохо. Тот же, кто, принимая деньги, тогда, когда это нужно, и от того, от кого это нужно, тратит разумно и умеренно, с любовью к людям и на общее благо, и при этом оставляет еще своим детям, может считаться отличным человеком. Он говорил, что сделал один вывод: честный человек всегда хочет быть с добродетельным, а таких он больше видит среди простого народа, чем среди чрезмерно богатых людей. Богатый нуждается в особо благоприятных условиях, чтобы быть воздержанным человеком. Ведь богатство обычно рождает любовь к наслаждениям и высокомерие.

9 (139; 6)

Exc. De virt., I, p. 329, 12: Он, обучая и воспитывая своих рабов и постоянно живя с ними, привил им свои взгляды и чувства и нашел в них совсем неплохих друзей.

НИКОЛАЙ ДАМАСКИЙ

История

КНИГИ 1 и 2

(фрагм. 10—77)

Перевод: Е. Б. Веселаго (фрагм. 35, 44),
 А. Ч. Козаржевского (фрагм. 24, 25, 53—56, 71—77),
 С. А. Ошерова (фрагм. 10—15, 26—31),
 Е. В. Федоровой (фрагм. 16—23, 32—34, 36—43, 45—52, 57—70)

10 (1; 7)

Exc. De insid., p. 3, 24: После войны с Индией Семирамида, проходя через область мидян, поднялась на высокую крутую гору; гладкие отвесные скалы делали ее неприступной со всех сторон, кроме одной. Там она обзревала войско с экседры, которую немедленно построили по ее приказу. Пока она стояла там лагерем, евнух Сатибар и сыновья Онна составили против нее заговор. Задумал все Сатибар, а юношам он говорил, что если станет царем Ниний, то им угрожает смерть от его руки; значит, нужно, предварительно убить Нинию и его мать, а затем царствовать самим. Кроме того, он

утверждал, что стыдно им смотреть сквозь пальцы, как их распутная мать, уже в таком возрасте, ежедневно тянется к первому встречному мужчине, лишь бы он был молод. А когда сыновья Онна спрашивали, как же выполнить задуманное, он отвечал, что это совсем нетрудно: нужно только подняться к ней на вершину горы, и, когда он прикажет (это дело он брал на себя), сбросить ее сверху вниз. Так они договорились и дали друг другу клятву возле какого-то святилища. Случайно за алтарем, где они договаривались, лежал один мидиец, который все слышал. Узнав таким образом о заговоре, он все записал на табличке и послал ее с кем-то Семирамиде. Та прочла и на следующий день, взойдя на вершину горы, позвала сыновей Онна. Задумав что-то, она велела им прийти в полном вооружении. За юношами последовал Сатибар, радуясь, что их дело направляет сам бог, раз уж мать позвала сыновей вооруженными. Когда они пришли, Семирамида, приказав внуку удалиться, сказала юношам: «о негодные дети совершенного отца! Вы послушались злого раба и задумали убить родную мать, вы хотели сбросить отсюда меня, получившую власть от богов! Так вот я! Бросайте меня с этого утеса, прославьтесь среди людей: царствуйте, убив мать Семирамиду и брата Ниния!» Потом она обратилась с речью к ассирийцам. Смотри «О речах перед войском».

11 (2; 3)

Exc. De virt., I, p. 329, 16: Тогда воцарился над ассирийцами Сарданапал, унаследовавший царство от Нина и Семирамиды. Он жил в городе Нице, проводя все время в глубине своих дворцов. Он не прикасался к оружию, не выезжал на охоту, как древние цари; зато он мазал себе лицо, подводил глаза, состязался с наложницами в красоте прически и вообще вел себя, как женщина. По установленному обычаю, к его дверям являлись сатрапы подвластных народов и приводили с собой упомянутые военные силы. Среди них был Арбак, правитель мидян, человек в жизни умеренный, в делах — опытнее всех, закаленный в охотах и битвах. Много благородных дел он совершил, но еще более многочисленнее и великие замыслил в то время. Узнав о нравах и образе жизни царя, он подумал и решил, что власть над Азией принадлежит такому человеку только потому, что не находится более достойного мужа. И он принял решение захватить верховную власть.

12 (3; 9)

Exc. De insid., p. 4, 23: Когда над ассирийцами царствовал Сарданапал, мидиец Арбак, узнав о нравах и образе жизни царя, подумал и решил, что власть над Ассирией принадлежит такому человеку только потому, что не находится более достойного мужа. А мидийское племя считалось самым храбрым после ассирийцев. Этот Арбак был близок с Белесием, архонтом Вавилона, потому что тот стоял по соседству с ним перед воротами дворца. Белесий был родом халдей (а они все были жрецами и пользовались величайшим почетом). Арбак сговорился с ним, и они решили вместе стремиться к захвату власти и к передаче господства из рук ассирийцев в руки мидян. Вавилоняне были самыми лучшими астрономами и превосходили всех искусным умением предсказывать будущее по снам и по чудесным явлениям, — словом, отличались познаниями во всем, что касается божественных дел. Однажды Белесий беседовал с Арбаком неподалеку от ворот дворца возле каких-то яслей, из которых два коня рассыпали мякину. Вскоре наступило время полуденного отдыха, и Белесий заснул. Во сне ему показалось, будто он видит, как один из коней несет в пасти и сыплет мякину на Арбака, который спал тут же. Другой конь спрашивает его: «Зачем ты это делаешь, глупый? Зачем ты носишь мякину этому человеку?» А первый отвечает: «Я завидую ему: ведь он будет царствовать над всем, чем сейчас правит Сарданапал!» Увидев и услышав все это, вавилонянин разбудил спящего мидийца. Имея обширные познания в божественных делах, он обдумывает значение этого сна и предлагает Арбаку пойти к реке Тигр, которая протекает близ Нина и омывает его стены. Они шли и о многом беседовали, как это бывает у друзей, и Белесий сказал: «Ну, Арбак, если повелитель Сарданапал поставит тебя сатрапом Киликии, что ты дашь мне за эту добрую весть?» Тот ответил: «Зачем ты смеешься надо мною, странный человек? Почему он поставит

меня сатрапом Киликии и обойдет других, которые лучше меня?» На это Белесий возразил: «А если он все же даст тебе эту должность (ведь я говорю, потому что знаю нечто большее), как ты меня отблагодаришь?» Арбак ответил: «Тебе не пришлось бы меня упрекать: ты получил бы немалую долю моей власти». Тогда Белесий сказал: «А если бы он сделал тебя сатрапом всей Вавилонии, кем буду я?» Арбак в ответ: «Перестань, ради Зевса, так меня оскорблять! Думаю, хоть я и мидиец, но не таков, чтобы вавилонянин мог смеяться надо мной!». Но Белесий произнес: «Клянусь великим Белом, я говорю тебе это не в насмешку: ведь я догадываюсь о чем-то большем». Арбак сказал: «Если я стану сатрапом Вавилонии, то назначу тебя эпархом всей сатрапии». Вавилонянин ответил: «Я верю тебе. Но скажи мне вот что: если бы ты был царем над всем, чем теперь правит Сарданапал, что бы ты для меня сделал?» На это Арбак сказал: «Если бы тебя, несчастный, услышал Сарданапал, то будь уверен, что мы оба погибли бы злой смертью. Но что тебе пришло в голову говорить такой вздор? Почему ты не перестанешь болтать?» Тогда Белесий взял его за руку и произнес, подчеркивая свои слова: «Клянусь этой десницей, столь для меня почтенной, и великим Белом, — я не плучу, а говорю, хорошо зная божественные предначертания!» И Арбак ответил ему: «Я дам тебе Вавилон, и при твоём правлении он будет свободен от налогов». А когда тот в подтверждение сказанного попросил дать ему правую руку, Арбак охотно протянул ее. И Белесий сказал: «Итак, ты будешь царем; будь уверен, это непременно!». Порешив так, оба вернулись к воротам исполнять обычные обязанности.

После этого, заведя знакомство с самым доверенным из евнухов, Арбак попросил показать ему царя: ему очень хотелось посмотреть, каков этот повелитель. Евнух ответил, что увидеть царя невозможно и что никто еще не достигал этого, и тогда Арбак прекратил свои просьбы. Однако, немного выждав, он стал просить евнуха еще настойчивее, обещая дать ему за эту милость много золота и серебра. Так он уговорил евнуха, очень благожелательного человека. Евнух хотел отблагодарить Арбака и обещал, если представится удобное время, напомнить повелителю... ¹⁵ здесь окончил.

13 (4; 10—11)

Exc. De virt., I, p. 330, 5: Когда над мидянами царствовал Артей, преемник ассирийского царя Сарданапала, в Мидии жил некий Парсонд, человек, славившийся своим мужеством и силой, высоко превозносимый за свое благоразумие и телесную красоту у царя и среди персов, из которых был родом. Был он искусен и в ловле диких зверей, и в рукопашном бою, и в битве на колеснице или на коне. Однажды он увидел вавилонянина Нанара. В роскошных одеждах, с серьгами в ушах, гладко выбритый, он был женоподобен и слаб. Испытывая отвращение к этому человеку, Парсонд стал убеждать царя отобрать у Нанара власть и передать ему. Но царь не решался обидеть вавилонянина и нарушить установления Арбака. Дважды и трижды обратившись с этими просьбами к Артею и получая все тот же ответ, Парсонд перестал помогать своему. Но все это не осталось тайной для Нанара. Узнав о намерениях Парсонда, он пообещал мелким торговцам, всегда в большом количестве следовавшим за его войском, богатые подарки, если кто-нибудь из них захватит Парсонда и приведет к нему.

Как-то раз случилось, что Парсонд, охотясь, ускакал далеко от царя и выехал на равнину, расположенную вблизи Вавилона. Своих слуг он отправил в близлежащий лес и приказал им кричать и шуметь, выгоняя зверей на равнину. Так он поймал множество кабанов и оленей. Наконец, преследуя дикого осла, он далеко оторвался от своих и, гоня его в одиночку, прискакал в Вавилонию, в то место, где находились торговцы, заготавливавшие припасы для царя. Увидев их, он попросил у них попить, так как испытывал жажду. А они, с радостью увидев Парсонда, подошли к нему, налили напиться и, взяв коня, предложили поест. Проведя весь день на охоте, он не без удовольствия выслушал это и велел отправить пойманного осла к царю, а слугам, оставшимся в лесу, сказать, где он находится. Торговцы, пообещав все сделать, усадили Парсонда, поставили перед ним разные кушанья и налили для питья самого сладкого

¹⁵ Не хватает листа. См. Mueller, ук. соч., стр. 259.

вина, нарочно неразбавленного, чтобы он опьянел. Насытившись, он потребовал коня, чтобы уехать к войску царя. А они, приведя красивых женщин, стали ему их показывать и предлагать здесь лечь и провести с ними ночь, а на рассвете уехать. Парсонд, увидя этих женщин, остался переночевать в поле. От общения с ними и от усталости его охватил сон. Тогда торговцы, оттащив спавшую с ним рядом женщину, все вместе напали на него, связали и доставили к Нанару. Тот, увидев его (Парсонд отрезвел и понял, в какую он попал беду), спросил: «Разве ты сам Парсонд, или кто-нибудь из твоих близких видели от меня раньше какое-либо зло?» Тот ответил, что нет. — «Может быть, ты опасался испытать что-нибудь впредь?» — «Нет, конечно!» — «Так что же ты сам стал первым оскорблять меня; называть женоподобным, требовать у Артея мое царство, будто действительно я ничего не стою, а ты — человек дельный? Я очень благодарен Артею за то, что он не позволил себя убедить и отнять у нас власть, данную Арбаком. Ради чего ты это сделал, злой ты человек?». Парсонд, несколько не заискивая, ответил: «Я думал, что я достойнее обладать этим даром, потому что я мужественнее тебя и полезнее царю, чем ты, гладко выбритый, с подведенными сурьмой глазами и намазанной белилами кожей». На это Нанар заявил: «И тебе не стыдно, что тебя, такого сильного, захватил более слабый только потому, что ты сам ослабел от еды и любви! Ну, а я сделаю так, что скоро ты станешь изнеженнее женщин, и кожа у тебя станет белее, чем у них». И поклялся Белом и Милиттой. Так ведь вавилоняне называют Афродиту. Тотчас призвал он евнуха, которому были вверены музыкантши, и сказал ему: «Уведи этого человека, выбрей ему все тело и разотри пемзой все, кроме головы; мой его дважды в день и натирай яичным желтком; пусть глаза его будут подведены, а волосы уложены, как у женщин. Пусть он научится играть на кифаре и на лире. Пусть он научится петь, чтобы он мог служить мне вместе с музыкантшами, во всем подобный женщине. Когда тело его станет гладким, пусть он с ними проводит жизнь, пусть носит ту же одежду и занимается тем же ремеслом». Когда он сказал это, евнух, взяв Парсонда, выбрил ему волосы везде, кроме головы, выучил всему, чему было велено, изнежил его, моя дважды в день, и сделал его кожу гладкой; по приказу господина, он создал ему такой образ жизни, как у женщин. Вскоре тело Парсонда стало белым, нежным и женоподобным; а пел он и играл на кифаре много лучше, чем все музыкантши. Видя, как он прислуживает на пиру у Нанара, никто не усомнился бы, что это женщина, и к тому же более красивая, чем все прислуживающие вместе с ней.

А мидийский царь Артей, устав всюду разыскивать Парсонда и предлагать награды тому, кто найдет его живым или мертвым, решил, что его растерзал на охоте лев или другой зверь, и очень сокрушался о нем, самом храбром своем приближенном.

Прошло семь лет с тех пор, как Парсонд стал вести в Вавилоне такую жизнь. Как-то раз Нанар приказал кнутом одного из евнухов, подвергнув его тяжелым истязаниям. Парсонд, побуждая этого человека щедрыми посулами, убедил его тайно бежать в Мидию к Артею и рассказать царю, что твой, мол, воинственный друг Парсонд живет опозоренным, проводя жизнь среди музыкантш. Когда евнух сказал об этом царю, тот, одновременно и радуясь, и горько стоная, произнес: «Увы! Опозорен доблестный муж! Но как Парсонд, которого я хорошо знаю, вытерпел, чтобы враг изнежил и сделал женственным его тело!». И тотчас послал к вавилонянину одного из самых доверенных ангаров (так назывались царские вестники). Когда ангар явился и стал требовать выдачи Парсонда, Нанар, решительно все отрицая, заявил, что нигде не видел его с тех пор, как он исчез. Артей, услышав это, послал второго ангара, более важного и с большими полномочиями, чем первый. С ним он отправил табличку с приказом, чтобы Нанар оставил свои вавилонские хитрости и возвратил человека, которого он передал музыкантшам и евнухам, или ему не сносить головы. Это он написал и одновременно приказал вестнику, чтобы тот, если Нанар не отдаст Парсонда, взял его за пояс и вел на казнь. Второй вестник пришел в Вавилон и объявил все Нанару, который, опасаясь за свою жизнь, обещал выдать Парсонда. Кроме того, оправдываясь перед ангаром, он заявил, что убедит царя в том, что справедливо покарал человека, который первым панес ему тяжкое оскорбление: ведь он причинил бы самому Нанару гораздо большее

зло, если бы царь, его повелитель, не защитил его. После этого он угощал ангара. Оба пили вино и беседовали. Когда кушанья были поданы, вошли музыкантши, сто пятьдесят женщин, среди которых был и Парсонд. Одни играли на кифарах, другие — на флейтах, третьи — на лирах, но среди всех особенно выделялся красотой и искусством Парсонд, которого тоже принимали за женщину. Когда они насытились, Нанар спросил у ангара, кто из женщин, по его мнению, превосходит всех прекрасной внешностью и искусством игры. Тот сразу отвечал, что «эта», и указал на Парсонда. Нанар, захлопав в ладоши, долго смеялся и сказал: «Так не хочешь ли ты отдохнуть эту ночь с нею?» — «Конечно!» — ответил ангар. — «А я тебе не дам!» — воскликнул Нанар. — «Зачем же ты меня спрашиваешь?» — сказал приезжий. И Нанар, немного помедлив, ответил: «Это и есть Парсонд, за которым ты явился!» А когда тот не поверил, он поклялся. Тогда ангар сказал: «Удивляюсь, почему мужественный человек остался жить, превращенный в женщину, и не лишил жизни самого себя, если не мог сделать этого с другими. Как воспримет это повелитель царь, когда услышит?». А Нанар сказал: «Я легко докажу ему, что ни в чем не нарушил справедливости». Поговорив так, они отправились спать.

На следующее утро вавилонянин, посадив Парсонда в повозку, отправил его вместе с ангаром. Когда они прибыли в Сузы, где находился царь, ангар показал ему этого человека. Артей долгое время был в недоумении, а потом, увидев вместо мужчины женщину, сказал: «Несчастный, как мог ты вынести, чтобы тебя так опозорили, и не умереть раньше?» А Парсонд ответил: «Говорят, повелитель, что судьба сильнее даже богов. Я же вытерпел все это и остался жить среди таких мук прежде всего затем, чтобы вновь увидеться с тобой, и потом, чтобы видеть, как Нанар будет тобой наказан; а если бы я умер, мне это не удалось бы. Так не отнимай у меня исполнения второй моей надежды, повелитель, и покарай за меня дурного человека!». Артей обещал сделать это, как только прибудет в Вавилон. Вскоре Парсонд вновь обрел свой естественный вид мужчины, а царь явился в Вавилон. Каждый день Парсонд громко зывал к нему, чтобы он наказал Нанара. Но тот пришел к царю и заявил, что поступил справедливо. «Этот человек, не испытав ничего дурного, стал первым клеветать тебе на меня, — сказал он, — чтобы ты убил меня и дал ему власть над Вавилоном». Но Артей нашел требование Парсонда более справедливым: «Нужно было не самому судить и не отыскивать такого наказания, а предоставить решить мне. Тебе же я через десять дней объявлю, наконец, приговор, которого ты заслуживаешь». Нанар страшно испугался и прибежал к Митраферну, самому влиятельному из евнухов. Он обещал дать Митраферну, если тот выпросит ему у Артея жизнь и власть над Вавилоном, десять талантов золота, десять золотых и двести серебряных чаш, а Парсонду — сто талантов серебряной монетой и драгоценные одежды; царю же он посулил сто талантов золота, сто золотых и триста серебряных чаш, тысячу талантов серебряной монетой, бесчисленное множество одежд и много других прекрасных даров. Евнух, пользующийся самым большим почетом, отправился к царю и после многочисленных просьб сказал, что Нанар не заслуживает смерти: ведь он не убил Парсонда, а лишь ответил оскорблением на ужасное оскорбление. «Даже если он заслужил бы смертную казнь, повелитель, — говорил Митраферн, — окажи мне эту милость, дай право просить за него! Он даст тебе, своему повелителю, много золота и серебра, а Парсонду в виде пени за содеянное выплатит сто талантов серебра». Царь поддался на эти убеждения и послал, наконец, свое решение Нанару. Тот преклонил перед ним колена, а Парсонд, покачивая головой, сказал: «Будь проклят тот, кто первый открыл золото на погибель человеческого рода: из-за него я сделался посмешником этого вавилонянина!». Евнух, узнав, как он тяжело все это переживает, сказал ему: «Перестань гневаться, добрый человек, послушайся меня и стань другом Нанару: ведь этого хочет повелитель!». И Парсонд стал поджидать удобный случай, чтобы отплатить, если сможет, евнуху и Нанару; он нашел такой случай и отплатил. (Смотри «О действиях полководцев»).

14 (5; 12)

Exc. De virt., I, p. 335, 20: Это было после убийства Мармарея, царя саков; Стриангей был давно уже охвачен тайной любовью к Заринее, так же, как и она к нему. Когда он оказался близ города Роксанаки, где у саков находился царский дворец, Заринее встретила его; глядя на него с большой радостью, она взяла его за руку и поцеловала на глазах у всех, а потом перешла на его колесницу, и они, беседуя, прибыли в царский дворец. Заринее приняла с большим блеском и следовавшее за ним войско. После этого Стриангей удалился в свои покои, стесняя от любви к Заринее. Не в силах выносить это, он все сообщил самому доверенному из евнухов, сопровождавших его. Тот, ободряя его, стал советовать ему отбросить излишнюю робость и сказать все самой Заринее. И Стриангей, послушавшись, вскочил и отправился к ней. Когда она очень радостно его приняла, он, после долгих промедлений и стонов, изменившись в лице, все же решился и сказал ей, что он от сильной любви сгорает страстью к ней. Она же очень мягко отвергла его, сказав, что это было бы постыдно и пагубно для нее, а для него еще намного пагубнее и позорнее, потому что он женат на Рэтее, дочери Астибара, которая, как она слышала, красивее и ее самой, и многих других женщин. А ему нужно проявлять мужество не только с врагами, но и тогда, когда нечто подобное упадет ему в душу. И не следует ради краткого наслаждения, которое он может получить и от наложниц, мучиться длительное время, если об этом узнает Рэтея. Потому, сказала она, пусть он оставит это и просит о чем-нибудь другом: ни в чем он не встретит с ее стороны отказа. Когда она все это сказала, он долго молчал, потом простился с ней и ушел; впад в еще большее отчаяние, он стал жаловаться евнуху. Наконец, исписав табличку, он взял с него клятву, что, когда он сам покончит с собой, евнух отдаст табличку Заринее, ничего не сказав ей заранее. А написано было: «Стриангей говорит Заринее вот что: „Я спас тебя и создал то счастливое положение, в котором ты пребываешь теперь. Ты же меня убила и сделала самым ненужным из всех. Если ты поступила справедливо, то пусть достигнешь ты всяких благ и будешь счастлива. Если же несправедливо, — пусть и ты испытаешь те же страдания, что я: ведь это ты побудила меня стать таким!“». Написав это, он положил табличку под изголовье и, мужественно удаляясь в аид, потребовал меч. Евнух же...¹⁶

15 (6; 13)

Etym. M., p. 180,¹⁷ 42: Ахемен — герой, по имени которого персы называются Ахеменидами. Он был сыном Персея; назван был так потому, что его предок был из Ахеи. Так пишет Николай во второй книге «Истории».

КНИГА 3

16 (7; 14)

Exc. De insid., p. 6, 17: Сыновей Амфиона и Зета Антиопа родила прямо на дороге, а затем подкинула. После того как Лик был свергнут с престола, а царем над кадмейцами стал Лаий, Зет и Амфион не раз хаживали с Киферона в Фивы к Лику и к своей матери. Они знали ее и знали, что она терпит, но наедине поговорить с ней они не могли, потому что обыкновенно она содержалась взаперти по приказанию Дирки. Но когда царем был уже Лаий, Антиопа стала ходить за водой в сад Лика, а Зет и Амфион пришли туда же. Их мучила жажда, и мать дала им ведро воды напиться. Она сразу узнала своих сыновей и, так как они были одни, начала жаловаться на свои горести; обняв их, она стала умолять, чтобы они избавили свою мать от страданий. Она открыла им, что терпит все это из-за их появления на свет. Узнав все, они вознегодовали за обиду матери, тотчас убили Лика, а Дирку, побив камнями, бросили в реку, которая зо-

¹⁶ Не хватает двух страниц.

¹⁷ *Etymologicum Magnum seu magnum grammaticae penu. Heidelberg, Hieronimus Commelinus, 1594.*

вется Дирка в память о ее гибели. Лаий простил им это и отдал дом Лика и Никтея в вознаграждение за те несправедливости, которые им пришлось претерпеть. Так они освободили свою мать.

17 (8; 15)

De insid., p. 7, 1: У царя Лаия, женатого на Эпикасте, не было детей. Поэтому он отправился в Дельфы за прорицанием. Бог изрек ему, что он родит сына, который, убив отца, женится на матери. Спустя некоторое время после этого предсказания у Лаия родился сын, которого он сразу приказал отнести на Киферон, чтобы он там погиб. Но его подобрали пастухи Полиба (говорят, он был сыном Гермеса) и отнесли к своему господину. Полиб принял его, воспитал как своего родного сына и назвал Эдином, потому что ноги его распухли от тугих пеленок. Прошло время. Эдип возмужал. Однажды он прибыл в Орхомен, город Беотии, на поиски лошадей, и как-то случилось, что с ним встретился Лаий, направлявшийся вместе с женой своей Эпикастой паломником в Дельфы. Вестник, который был с ними, вышел вперед и приказал Эдипу уступить дорогу царю. Но высокомерный Эдип, ударив вестника мечом, убил поспевавшего ему на помощь Лаия, но жену царя он не тронул. После этого он бросился бежать вверх по горе и скрылся в лесу. Немного времени спустя подоспели слуги, и Эпикаста с их помощью стала разыскивать убийцу Лаия. Не найдя его, она похоронила Лаия и вестника здесь же на горе Лафистий, где они скончались, а сама возвратилась в Фивы. Эдип же из Орхомена вернулся в Коринф к Полибу, передал ему мулов Лаия (которых он угнал), и постоянно¹⁸ жил с ним, как и прежде считая Полиба отцом.

18 (9; 16)

Exc. De virt., I, p. 336, 25:..¹⁹ или Беллерофонт, или чудовище погибло бы. Но Беллерофонт убивает Химеру и освобождает Ликию от страха. Амфианакт, восхищенный его доблестью, отдает ему дочь и царство. А впоследствии, когда Сфенебея повесилась, стала для всех очевидна ее греховная страсть к Беллерофонту и его невинность. И даже Прет был готов дать ему удовлетворение.

19 (10; 17)

Exc. De insid., p. 7, 24: При Персее случилось следующее. Тантал, сын Тмола, по имени которого называется гора Тмол в Лидии, вел войну с троянцем Илом, царем фригийцев. Разбитый в сражении, Тантал собрался покинуть свою страну и переселиться на Пелопоннес, но из-за своего преклонного возраста остался в Лидии, а туда послал с войском сына своего Пелопа. Взяв с собой большие богатства, он вместе с сестрой своей Ниобой окончательно покинул Лидию, отплыв из Спила. Ниобу он отдал в жены фиванцу Амфиону, а сам отправился на Пелопоннес в Пису, где царствовал Эномай, имевший дочь Гипподамию, к которой многие сватались, в том числе и Миртил, сын Гиперохиды, родственник Эномай. Одержимый страстью к своей дочери, Эномай никому не хотел обещать ее в жены, а она, отвергая отца, избегала его. Так как Пелоп пришел в Пису с большим войском, Эномай послал к нему Миртила узнать, зачем он явился, ожидая, что Пелоп будет свататься к его дочери. Но Пелоп ответил Миртилу, что пришел с намерением поселиться в этой стране. Миртил возразил, что нелегко это сделать без согласия Эномай, тем не менее он готов помочь Пелопу, если тот пообещает, одолев Эномай, отдать его дочь в жены Миртилу. Пелоп дал обещание и поклялся его выполнить. После этого Миртил пришел к Эномаю и рассказал о замыслах Пелопа. Тогда Эномай, вооружившись сам и собрав войско, приготовился к сражению, чтобы выгнать Пелопа из страны. Пелоп выступил навстречу ему со своими людьми. Когда завязался бой, Миртил, сражаясь вместе с царем на его боевой колес-

¹⁸ В рукописи: *λευκάδι*. Перевод дан в понимании Пикколо. См. Mueller, ук. соч., стр. 367.

¹⁹ В рукописи не хватает начала.

нице, ударил мечом Эномая, сбросил его и перешел на сторону Пелопа. С гибелью Эномая войско его рассеялось, и воины разбежались кто куда. Пелоп, спокойно вступив в Пису, овладел ею и всем царством Эномая. Впоследствии, желая жениться на Гипподамии, он привел Миртила к морю и утопил. Тем самым он сделал приятное Гипподамии, так как она хотела отомстить убийце своего отца. А потом Пелоп женился на Гипподамии.

20 (11; 18)

Exc. De virt., I, p. 337,4: Аргонавты, плывя к колхам, остановились на Лемносе, в то время населенном женщинами, которыми правила Гипсипила. (Мужчин у них не было, женщины убили их из ревности за то, что те, покинув их, сошлись с фракиянками)²⁰. Гипсипила завела речь с Ясоном и, одарив его, уговорила вступить с ней в связь и убедить аргонавтов сойтись с остальными лемнианками, чтобы те родили от них детей. Он согласился, и аргонавты сошлись с лемнианками, а Гипсипила родила сына Эвнея. Пробыв на острове немного времени, аргонавты уплыли.

21 (12; 19)

Exc. De insid., p. 8, 25: Пиас воспылил страстью к своей дочери Лариссе и совершил над ней насилие. Тяжко страдая от его страсти, она привлекла на свою сторону нескольких рабов и убила отца, ударив его по голове, когда он наклонился над пифосом с вином.

22 (13; 20)

Exc. De virt., I, p. 337, 13: Геракла после его брака свела с ума или разгоряченная желчь или какая-то другая причина. Впав в неистовство, он убивает двоих детей Ификла (ведь старшего сына, Иолая, отец успел отнять). Геракл убивает также сыновей Мегары. Младшего из них, грудного младенца, он силою оторвал от матери и чуть не убил Мегару, не выпуская ребенка из рук. Ее спас подоспевший Ификл. Немного времени спустя Геракл пришел в себя, опомнился и, скорбя о случившемся несчастье, решил покинуть Фивы. Ификл и Ликимний предложили ему покинуть город, как велит закон, а через год, очистившись таким образом от преступления, возвратиться в Фивы и жить там. Так как они не смогли его убедить, то отправились вместе с ним. И Мегара сама присоединилась к ним с согласия своего отца Креонта, хотя мать ее и была против. Эврисфей, сын Сфенела, внук Персея, узнав о случившемся с Гераклом, позвал его в Тиринф. Он же помнил о предсказании отцу своему Амфитриону, что сын его будет вынужден повиноваться Эврисфею, а потом приобретет большую славу. Так как кроме того Ликимний и Алкмена во имя родственных связей стали уговаривать его согласиться, то он вместе со всеми отправился в Тиринф. И когда они прибыли туда, Эврисфей быстро стал другом Ликимнию и Ификлу, а к Гераклу относился с подозрением, никак не допуская его в число своих близких, но заставляя его выполнять то, что мы называем «подвигами Геракла». И он повиновался, помня о предсказании. Смотри «О подвигах».

23 (14; 21)

Exc. De virt., I, p. 338,9: Скамандр с помощью Самона подчинил себе жителей Трояды и стал первым царем троянцев. После того как Самон пал в сражении, Скамандр отправил жену его Даду, мать маленьких детей, в Полион в сопровождении вестника, чтобы она там вышла замуж за кого хочет. В пути вестник обесчестил ее, совершив над ней насилие. Она заколола себя мечом мужа. Критяне, узнав об этом, вестника побили камнями, а местность эта с тех пор стала называться местом бесстыдства²¹.

²⁰ Текст сильно сокращен. Перевод сделан по пониманию Coe, см. Muller, *ук.* соч., стр. 368.

²¹ ἄσχετος: в тексте это слово отсутствует, но стоит на полях.

КНИГИ 4—5

24 (15; 22)

Steph. Byz. ²², Τερρηβος: город Лидии. Название получил от Торреба, сына Атия. По-народному — Торребии, а в женском роде — Торребиде. В Торребиде есть гора, называемая Карийская, и там — храм Кария. Карий же — сын Зевса ²³ и Торребии, как говорит Николай в четвертой книге. Он блуждал вокруг одного озера, названного в честь его Торребийским, и услышал пение нимф, которых лидийцы зовут Музами. От них он научился музыке, сам обучил ей лидийцев, и песни поэтому назывались Торребиями.

25 (16; 24)

Exc. De virt., I, p. 338, 17: Мокс Лидийский, сделавший много хорошего, свергнул тиранию Мелы. Согласно обету он предписал лидийцам отдавать богам десятину. Они повиновались и, производя учет своему имуществу, отделяли от всего десятину и посвящали богам. После этого Лидию постигла сильная засуха, и люди обращались к оракулу. Много военных походов, говорят, предпринял Мокс, и слава о его храбрости и справедливости была у лидийцев величайшей. Совершив эти походы, он снова отправился против Краба и после длительной осады взял его и разрушил, а людей, так как они не признавали богов, отвел к ближайшему озеру и утопил.

26 (17; 25)

Steph. Byz., Νήραβος: город Сирии. Николай, четвертая книга.

27 (18; 26)

Steph. Byz., 'Ασκάλων: город Сирии близ Иудеи. Ксанф в четвертой книге «Истории Лидии» говорит, что Тантал и Аскал были сыновьями Гименея. Когда Акиам, царь Лидии, выбрал Аскала полководцем в походе на Сирию, тот страстно полюбил там девушку и основал город Аскалон, который назвал так в свою честь. То же самое пишет Николай в четвертой книге «Истории».

28 (19; 30)

Josephus, Ant. Jud. ²⁴, I, 7,2: Николай Дамасский в четвертой книге «Истории» говорит так: «Авраам царствовал в Дамаске, но был пришельцем, явившимся вместе с войском из земли, лежащей за Вавилоном и именуемой землею халдеев. Спустя немного времени он ушел из этой страны и переселился со своим народом в землю, которую тогда называли Ханааном, а теперь Иудеей. Потомки его были многочисленны, но то, что о них рассказывают, я изложу в другой книге. А имя Авраама еще и теперь известно в Дамаске. Показывают и деревню, которая по его имени называется „Жилищем Авраама“».

29 (20; 31)

Josephus, Ant. Jud., VII, 5,2: Этого царя ²⁵ упоминает и Николай в четвертой книге «Истории», говоря следующее: «Спустя много времени после этого, один из туземцев, по имени Адад, приобрел большое могущество и стал царем Дамаска и всей остальной Сирии, кроме Финикии. Он пошел войной против Давида, царя Иудеи, и успешно сразился с ним во многих битвах; в последней же, произошедшей возле Евфрата, он был побежден, но показал себя лучшим из царей по силе и мужеству». Кроме того,

²² Stephani Byzantini, De urbibus et populis, illustravit Abrahamus Berkelius, Lugduni Batavorum, 1644.

²³ «ὁ Μάνης Ζατος, ὁ Τερρηβος» — Jacoby, ук. соч., Zeitgeschichte, С, стр. 340.

²⁴ Flavii Josephi Opera, Berolini, Benedictus Niese, 1887.

²⁵ Адада.

он рассказывает и о потомках Адада, которые после его кончины один за другим получали его царство и имя; вот что он говорит: «После смерти Адада царствовало десять поколений его потомков, каждый из которых получал от отца вместе с его державой и его имя, как Птолеми в Египте. Самый могущественный из них, третий, желая искупить поражение своего прадеда, предпринял поход на Иудею и разорил область, которая теперь называется Самаритидой». Он не нарушает здесь истины: это тот Адад, который предпринял поход на Самаритиду в то время, как над израильтянами царствовал Ахав, о котором мы скажем в своем месте.

30 (21; 27)

Exc. De virt., I, p. 339,1: Дочь царя Салмоней влюбилась в отца и в отчаянии покончила с собой, не познав брака. Отец постановил ежегодно справлять в ее честь праздник.

31 (22; 28)

Exc. De virt., I, p. 339,5: Камблит, царь Лидии, был, как говорят, до того прожорлив, что съел свою жену, когда та совершала жертвоприношение. Сам же он думал, что его испортили ядами; когда дело приобрело широкую известность, он стал, держа меч, посреди полной народом площади и сказал: «О Зевс, если то, что мною совершено, я совершил сам по себе, то пусть я сам себя и накажу. Если же меня погубили ядом, то пусть пострадают отравители». Так он сказал и на глазах у всех заколол себя. Одни издевались над ним за обжорство, другие жалели, считая, что от ядов он повредился в уме. Полагали, что это сделал из вражды к нему Ярдан.

32 (23; 32)

Const. Porph., De them., II, 6²⁶: Пелопоннес имеет три названия, как пишет Николай Дамасский в четвертой книге «Истории». «Итак, самыми сильными тогда были Пелопиды, и Пелопоннес повиновался им, называясь по их имени, сменив до того три названия. Ведь при Аписе, сыне Фородея, он назывался Аппией, при Пеласге, исконном жителе полуострова, — Пеласгией, при Аргосе — по его имени Аргосом, а в царствование Пелопа, победившего Эномая, Пелопоннес законно получил его имя».

33(24; 33)

Exc. De virt., I, p. 339, 16: Кажется, в древности род Амифаонидов был у эллинов самым разумным. Об этом и Гесиод говорит в таких стихах²⁷:

Силу могучую дал Олимпиец-Зевес Эакиду,
Амифаонидам ум даровал, а богатство — Атридам.

34 (25; 34)

Exc. De insid., p. 8,29: Эгисф, убив царя Агамемнона по совету супруги его Клитемнестры, собирался умертвить и Ореста, сына Агамемнона. Но его спас Талфбий, похитив и отправив в Фокиду к Строфию. Спустя десять лет Орест вернулся обратно в сопровождении Пилада, сына Строфия, убил Эгисфа и свою мать и стал царем над микенцами. Но вскоре он, отягощенный тяжелым преступлением, был изгнан друзьями Эгисфа или (как гласит общераспространенное мнение) Эриями. По приказанию бога он пришел в Афины и был очищен от преступления судом на холме Ареса. Это было четвертое дело об убийстве, которое разбиралось в Афинах.

²⁶ Constantinus Porphyrogenitus, De thematibus Orientis et Occidentis, lib. II, thema 6. Patrologia Graeca, т. СХІІІ.

²⁷ Hesiodi quae feruntur omnia, rec. Aloisius Rzach, Lipsiae, 1884, стр. 216.

35 (26; 29)

Steph. Byz., *Ἀσκανία*: троянский город. Николай, четвертая книга: «Скамандрий, сын Гектора и Андромахи, с Иды и из Даскилия и так называемой Аскании, которую основал Асканий, сын Энея»²⁸.

36 (27; 35)

Steph. Byz., *Καρνία*: город Ионии. Николай, четвертая книга.

37 (28; 36)

Exc. De virt., I, p. 339,21: Гераклиды оставили неразделенной амиклейскую землю, предназначив ее с общего согласия для предателя Филонома. Но он, стыдясь своего предательства, не появлялся нигде, и Гераклиды разделили ее между собой. Впоследствии, когда Филоном вернулся с Лемноса вместе с людьми, которых привел, обещав им одинаковые с собою права, они опять отдали ему эту землю. Поделив ее между пришедшими, он стал жить вместе с ними, царствуя над амиклейцами.

38 (29; 37)

Steph. Byz., *Θόρυαξ*: гора Лаконики. Николай, четвертая книга.

39 (30; 38)

Exc. De insid., p. 9,5: Темен был погублен своими детьми по следующей причине. Было у него четыре сына: Кис, Фалк, Керин, Агай и дочь по имени Гирнето. Он отдал ее в жены Деифонту, который был сыном Антимаха, внуком Фрасианора, правнуком Ктесиппа и праправнуком Геракла. И вот Темен, любя дочь и зятя намного больше, чем своих сыновей, постоянно прибегал к их советам во всех делах. Сыновья же, тяжело переживая это, разыскивали преступных людей и уговорили их за плату убить Темена. Агай, младший, не участвовал в их замысле. Они напали на Темена, когда он мылся на пустынном берегу реки, ранили его, но, испугавшись шума, бросили еще живого и обратились в бегство. Переселенный к войску, он умирает, не зная своих убийц, оставив царство Гирнето и Деифонту и сообщив известные ему пророчества о войне. Потом, когда был найден убийца, открылось все, что было задумано сообщниками Киса. Все они были изгнаны из царства по обвинению²⁹ в убийстве Темена.

Поэтому стали царствовать Деифонт и Гирнето. Им были известны пророчества, которые сулили изгнанным надежду на возвращение. Сыновья Темена отрицали свое участие в убийстве и не собирались, следовательно, спокойно отказаться от власти. Поэтому Деифонт прежде всего тайно подослал послов к трезенцам, асинейцам, гермионцам и вообще ко всем жившим там дриопам и отвлек их от союза с аргосцами, тем более что они и сами этого хотели, боясь, что со временем дорийцы прогонят и их и аргосцев.

40 (31; 39)

Exc. De insid., p. 9, 28: Кресфонт царствовал над всеми мессенцами. После того как он разделил землю между пятью³⁰, которым остальные платили дань, он раскаялся, что поделил ее поровну (между местными жителями и дорийцами). Передумав, он пытался изменить это, говоря для видимости то, что говорили лакедемонцы, а именно, что несправедливо местным жителям пользоваться одинаковыми правами с дорийцами. В конце концов он оказался во вражде и с теми, и с другими. Дорийцы были тогда недовольны тем, что Кресфонт, действуя насильем, не стал соблюдать³¹ равенства

²⁸ Фрагмент относится к эолийскому переселению. Mueller, ук. соч., стр. 372; Jacoby, ук. соч., *Zeitgeschichte*, C, стр. 242.

²⁹ «ἐπίσχυψιν» — Mueller, ук. соч., стр. 376.

³⁰ городами. Четыре названия приводит Страбон со слов Эфора (Jacoby, ук. соч., *Zeitgeschichte*, A, стр. 72), пятое — Николай, фр. 41.

³¹ «οὐκ ἀνεχόμενοι» — De Boor; «οὐκ ἀνεχόμενοι» — Duebner.

прав³², да и раньше были злы на него за то, что он без их согласия столкнулся с туземцами и дал им равные права с дорийцами. Но больше всего опасались изменений туземцы. Они решили, что самое лучшее — до этого убить Кресфонта, а самим спокойно оставаться на своей земле. Так они и сделали: составили заговор и убили Кресфонта. Хотели они также немедленно убить и его сыновей, но в то время дед³³, отец их матери, намереваясь принести жертву Зевсу-Всевышнему, пригласил их всех вместе со своей беременной дочерью к себе в Трапезунт. У него она родила третьего сына — Эпита. И вот убийцы, придя к Кипселу, задумали хитрость, которая дала бы им возможность схватить детей Кресфонта и убить их. Они сказали, что отец просит детей вернуться в Мессению, ибо он намерен принести богам обещанные жертвы. Обманутый Кипсел отослал с ними двух мальчиков, которых они по дороге убили, а третьего не отдал, сказав, что тот только что родился и еще в пеленках. И он был воспитан у деда.

41 (32; 40)

Steph. Byz., Μεσσήνα: город Мессении, один из пяти. Николай, четвертая книга.

42 (33; 40)

Steph. Byz., Νήρις: город Мессении. Николай, четвертая книга.

43 (34; 39)

Exc. De insid., p. 10, 22: Строя козни против Эпита, сына Кресфонта, заговорщики подожгли его дом, но он спасся от них. Потом народ снова составил заговор против него самого и его детей. И они не прекращали междоусобные раздоры до тех пор, пока лакедемонцы не обратили их в рабов.

44 (35; 41)

Exc. De insid., p. 10, 27: Фидон, оказавший из чувства дружбы помощь мятежным коринфянам, был убит членами своей гетерии, напавшими на него.

45 (36; 41)

Exc. De insid., p. 10, 29: Слизиф, мстя за Коринфа (его именем назван город Коринф), коварно убитого местными жителями, наказал убийц и стал царем вместо него.

46 (37; 42)

Steph. Byz., Ἀρχαΐα... называлась Пеласгией, как пишет Николай в пятой книге.

47 (38; 43)

Exc. De virt., I, p. 340,4: Ликаон, сын Пеласга, царь аркадцев, соблюдая справедливость, следовал в этом наставлениям отца. Желая и сам отвлечь своих подданных от пути несправедливости, он сказал, что к нему приходит Зевс всякий раз под видом чужеземца, чтобы наблюдать за делами праведными и неправедными. И вот однажды, собираясь, как он сам сказал, хорошо принять бога, Ликаон совершил жертвоприношение. Некоторые из его сыновей, которых у него, как говорят, было пятьдесят от разных жен, присутствовали при совершении обряда. Им захотелось узнать, действительно ли они будут принимать бога. Принося жертву, они убили ребенка и смешали

³² По-видимому, здесь речь идет уже о равноправии дорийских вождей, права которых ущемил Кресфонт. Несмотря на недовольство дорийцев, он стал считать городом только свой Стениклар, где у него был дворец и куда он собрал всех дорийцев. Такое понимание данного текста основано на свидетельстве Эфора (см. E r h o g u s, фр. 116, приведенный у J a c o b u, ук. соч., стр. 72).

³³ Кипсел.

его члены с мясом жертвенных животных, полагая, что это не укроется от бога, если он на самом деле придет. Говорят, что все убийцы ребенка погибли от страшной бури и сокрушительных перунов Зевса.

48 (39; 44)

Steph. Byz., Βοταχίδα: местность в Аркадии, называется так по имени Ботаха. Николай, пятая книга: «Ботак, сын Иокрита, внук Ликурга, по имени которого называется местность Ботахиды в Тегее».

49 (40; 47)

Steph. Byz., Σίφνος: остров около Крита, назван по имени Сифна, сына Суния, как пишет Николай в пятой книге. Раньше он назывался Меропа.

50 (41; 47)

Steph. Byz., Σκίρος: остров, о котором Николай пишет в пятой книге: «Скирос в древности населяли пеласги и кары».

51 (42; 48)

Steph. Byz., Αγαμέδη: местность около города Пирры на Лесбосе. Названа по имени Агамеды, дочери Макарии, которую тоже звали Пиррой. Существует и источник Агамеды, как пишет Николай в пятой книге.

52 (43; 45)

Steph. Byz., Μεσημβρία: понтийский город. Николай, пятая книга. Назван по имени Мельса. Фракийцы называют его Брия. Как Селимбрия — город Селия, Полтимбрия — Полтия, так и Мельсембрия — город Мельса, но ради благозвучия она называется Месембрия... Есть и фракийская Месембрия в конце полуострова, как пишет Геродот в 7 книге.

КНИГА 6

53 (44; 49)

Exc. De insid., p. 10,32: У Адиатта, царя лидийцев, были сыновья — близнецы: Кадис и Ардис; им он оставил власть, и они царствовали вместе, любя друг друга и пользуясь любовью народа. (2) И вот, каким-то образом жена Кадиса, называемая Дамонно, соблазненная одним красавцем, родственником мужа — имя ему Сперм, задумала вместе с ним убить мужа. Она дала ему яд, но он не умер, а только заболел. От лечения у врача Кадису стало легче. После этого женщина, хотя и желала погубить врача, но зная его опытность, не решалась дать ему яд. Тогда она вырыла в доме яму, сделала ее сверху невидимой и над ней поместила одно ложе, а рядом с ним другие. Позвав врача на пир, она предложила ему возлечь там, где была яма. Когда он упал вниз, она засыпала яму землей и сделала ее незаметной. (3) Немного спустя скончался и Кадис. Его брата Ардиса она с помощью любовника сначала отправила в изгнание, подкупив лидийцев большими деньгами, а затем, живя со своим любовником, объявила его царем. Ардис, столь неожиданно изгнанный с женой и дочерью, испытывал такую сильную нужду, что в Кумах поддерживал свою жизнь изготовлением колесниц, а позже стал держателем гостиницы. Говорят, что с останавливавшимися у него лидийцами он был так приветлив, что расставался с ними как с друзьями. (4) Любовнику Сперму было недостаточно того, что он сделал; он послал в Кумы одного разбойника по имени Керс и приказал ему убить Ардиса. Тот взял на себя это с условием получить дочь Сперма в жены и к тому же в дар тысячу статов. (5) Придя в Кумы, Керс остановился в гостинице Ардиса. Тот принял его с обычной приветливостью, да и другим Керс пришелся по душе, а кроме того, он, увидев прислуживающую ему дочь Ардиса, влюбился в нее. И вот он просит отца отдать ему дочь в жены и обещает оказать ему величайшие услуги. Хотя Ардис при других обстоятельствах не отдал бы

дочь, так как Керс был незнатен, а сам он гордился своею знатностью, но, помня обещание, согласился. Когда это было улажено, Керс поведал ему всю правду, а именно, что он пришел убить Ардиса по наущению Сперма, обещавшего отдать ему [Керсу] свою дочь в жены. Теперь же, продолжал Керс, он готов принести голову Сперма, а в награду за это жениться на дочери Ардиса. Когда Ардис согласился, Керс велел ему остричься, так как тот до сих пор ходил с длинными волосами. Затем Керс смастерил из дерева голову, похожую на голову Ардиса, приделал к ней волосы и отправился в Лидию. (6) Придя туда, он на вопрос Сперма относительно поручения ответил: «Все сделано». А раньше он положил голову в какой-то комнатке. Когда Сперм приказал показать принесенную голову, Керс сказал, что неудобно делать это при многих свидетелях, и посоветовал пойти вдвоем в комнату и посмотреть. Тот послушался, и когда Керс показал лежащую на земле голову, Сперм наклонился, чтобы рассмотреть ее. Тогда Керс повалил Сперма ударом меча, отрубил ему голову, бежал через двери за пределы города и устремился к Ардису. (7) Между тем находившиеся при дверях лидийцы поджидали выхода Сперма. Так как по прошествии долгого времени Сперм не выходил, то они сами вошли внутрь. Там они увидели лежащий на земле обезглавленный труп. Узнав о случившемся, они ничего не предпринимали и даже радовались: ведь он был очень плохим человеком, и, кроме того, именно в его царствование землю постигла засуха. Так окончил свою жизнь Сперм. Он царствовал два года. В списках царей он не значится. (8) Между тем, Керс во время своего бегства зашел в какой-то кабачок. Он остановился там и в безмерной радости от того, что сделал, подвыпил и все рассказал содержателю кабачка, показав ему даже голову Сперма. Тот, смекнув, что после этого будет царствовать Ардис, напоил Керса допьяна и убил. Затем, взяв головы Керса и Сперма, явился в Кумы к Ардису, (9) который беспокоился о том, как все это произойдет, и сказал ему, что принес величайшее добро. «Как? — воскликнул тот, — значит Сперм умер, а Керс не будет мне зятем? Ведь именно это для меня важнее всего!». Фиесс (такое имя было у содержателя кабачка) отвечает: «Как раз это я и пришошу», и показал обе головы. Тот обрадовался и велел Фиессу просить за это все, что пожелает. Фиесс же сказал: «Я не прошу у тебя ни дочери, ни золота, но, когда ты станешь царем, сделай так, чтобы мой кабачок не облагался налогом». Ардис даровал ему это. И Фиесс со временем разбогател от содержания кабачка. Благодаря этому он устроил вблизи своего дома рынок и храм Гермеса, который стал называться Фиессовым. Лидийцы же призывают Ардиса на царство, послав разных вестников и среди них некоторых из Гераклидов. (10) Возвратившийся Ардис был лучшим царем после Алкимия. Он был очень дорог лидийцам и проявлял большую любовь к справедливости. Ардис произвел перепись лидийского войска; самой многочисленной была конница. Говорят, он насчитал в ней 30 тысяч всадников.

(11) У стареющего Ардиса особенной любовью пользовался Даскил, сын Гигия из рода Мермнадов. В его руках была, так сказать, вся власть над лидийцами. И вот, Адиатт, сын Ардиса, боясь, как бы после смерти отца Даскил не прибрал все к своим рукам, тайно его убивает. Беременная жена Даскила, опасаясь убийц мужа, бежала во Фригию, откуда была родом. Ардис, узнав об этом, чрезвычайно разгневался и созвал лидийцев на сходку. Когда его самого внесли к ним (он был прикован к ложу из-за старости), он стал обвинять преступников, хотя совсем не знал, кто они, и призывал лидийцев произвести дознание об убийстве Даскила. Он обрушил на убийц множество проклятий и, наконец, объявил, что всякий, кто их найдет, может убить их, если хочет. (12) Итак, после семидесяти лет царствования Ардис умер.

54 (45; 49)

Exc. De insid., p. 13, 19: В царствование лидийского царя Мела Лидию посетил сильный голод. Люди обратились к оракулу. Божество указало им, что нужно подвергнуть царей возмездию за убийство Даскила. Услышав это толкование оракула и узнав, что нужно искупить убийство трехлетним изгнанием, царь добровольно удалился в Вавилон. Затем он послал во Фригию к сыну Даскила, которого также звали Даскилом; мать была им беременна во время бегства. Царь велел ему явиться в Сарды, чтобы

снять с них наказание за убийство отца: ведь так предписали предсказатели. Даскил не повиновался, говоря, что не видел отца, так как был еще во чреве матери, когда его убили, а поэтому и не следует ему вмешиваться в это дело. Удаляясь в изгнание, Мел доверил управление страной сыну Кадия Садиятту, который искони вел свой род от древнего Тилона. Он защищал интересы изгнанника, и когда тот по прошествии трех лет возвратился из Вавилона, то честно передал ему царскую власть.

55 (46; 49)

Exc. De ins., p. 13, 34: В царствование Мирса Даскил, сын убитого Садияттом Даскила, боясь, как бы не навлечь на себя козни Гераклидов, бежал из Фригии и отправился к сирам, живущим на Понте за Синопом. Обосновавшись там, он взял в жены туземку Сиру, у которой от него родился Гигес.

56 (47; 49)

Exc. De ins., p. 14,4: Адиатт, последний царь лидийцев, окончил жизнь таким образом. У Даскила, удалившегося на Понт, был в Сардах дядя, по имени Ардис, сын Гигеса. Тяготясь бездетностью, он обратился к царю Адиатту с просьбой разрешить ему вызвать с Понта Даскила и усыновить его, чтобы дом их не оказался лишенным наследников, так как сам он бездетен, а другие родные умерли. Кроме того, надлежит заключить договор с потомками Даскила, так как, по словам Ардиса, предки царя вернули их в Лидию из изгнания. (2) Когда царь удовлетворил эту просьбу Ардиса, он послал за Даскилом и стал звать его в Лидию. Но Даскил, привыкнув к новым местам, не захотел явиться, а послал сына Гигеса, которому было около 20 лет. Когда он прибыл, Ардис принял его и объявил своим сыном. (3) Гигес отличался красотой и высоким ростом, он был отличным воином, во всем значительно превосходил своих сверстников, упражнялся в верховой езде и в умении владеть оружием. До царя дошел слух о нем, о том, каков он в деле и какова его наружность, причем тот, кто это говорил, хвалил Гигеса то ли искренно, то ли от зависти, желая навлечь на него какое-нибудь зло. (4) Но царь обрадовался и позвал к себе Гигеса; увидев его красоту и рост, он пришел в восхищение и сделал его телохранителем. Немного времени спустя он и сам, как говорят, взял под подозрение благородство юноши. Погубить его открыто он не хотел, так как не представлялось никакого повода, зато он стал готовить ему гибель другим способом: налагал на него большие работы, посылал его охотиться на вепрей и других диких зверей. Но все это Гигес благодаря своей силе выполнял, и в конце концов под влиянием именно этого Адиатт изменил свое отношение к Гигесу и полюбил его, дивясь его способностям. Он забыл о бывших подозрениях и дал ему много земли. В то время у Гигеса дела шли прекрасно. (5) Когда же Адиатт стал проявлять к Гигесу сильную любовь и особенно отмечать его передо всеми, то многие мучались от зависти и негодовали на царя. Среди них был и Ликс из рода Тилона. Он упрекал Адиатта в чрезмерной любви к Гигесу, врагу предков, и в намерении облечь его полной властью. Однако царь не обратил на это внимания, а подумал, что это говорится из чувства зависти. Так как часто повторяя одно и то же, Ликс не убедил царя, то, притворившись сумасшедшим, он стал бегать по городу Сардам и кричать, что царя Адиатта собирается убить сын Даскила Гигес. (6) С тех пор Адиатт стал думать о женитьбе на Тудо, дочери Арносса, царя Мисов, который основал город Ардиний на Фивийской равнине. Когда женщине настало время прибыть, царь снарядил колесницу, посадил на нее Гигеса и послал его к тестю за невестой. Говорят, что им было такое предзнаменование. В то время как Гигес собирался отправиться за ней, два громадных орла сели на крышу спальни, где была невеста. Предсказатели же возвестили, что Тудо в первую же ночь станет женой двух царей. (7) Немного спустя является Гигес и, после того как отец передал ему невесту, увозит ее. Когда Гигес ехал на колеснице, он воспылил любовью к Тудо и, не будучи в состоянии владеть собой, стал ее соблазнять и пытался обнять. Она же с негодованием очень решительно отвергала его притязания, прибегая ко многим страшным угрозам. Когда она прибыла к царю, то рассказала обо всем, что делал Гигес, и о том, как он хотел ею овладеть. Разгневан-

ный царь поклялся на следующий день убить Гигеса. (8) Это услышала находившаяся тогда в спальне служанка, которая очень любила Гигеса. Она-то все ему тотчас и рассказала. Поскольку еще была ночь, Гигес, обходя друзей, сообщает им об этом и просит помощи в замышляемом им убийстве царя. Он напоминал о тех проклятиях, которые Ардис призывал на убийц Даскила. И вот, рассудив, что при данных обстоятельствах лучше убить Адиятта, чем самому погибнуть от его руки, Гигес, заручившись согласием наиболее верных друзей, с мечом направляется к царю. Когда служанка открыла ему дверь спальни, он вошел и убил спящего Адиятта, который царствовал три года. (9) С рассветом он спокойно послал за всеми своими друзьями и недругами под предлогом, будто их зовет царь. Тех, кто по его мнению, будут его противниками, он убил, других же, щедро одарив, сделал своими помощниками. Когда последних у него собралось много, он, спеша овладеть властью, вооружается, выходит на площадь и созывает лидийцев на сходку. Они сначала пришли в смятение, негодую на совершившееся, и готовы были броситься на Гигеса. Когда же он стал призывать к спокойствию и просить слова, чтобы сообщить собравшимся то, о чем они еще не знали, они совершенно прекратили шум и замолчали: одни желали услышать что-либо определенное, другие боялись вооруженных людей. (10) Затем они снарядили в Дельфы посольство узнать, делать ли им Гигеса своим царем. Бог дал согласие и добавил, что на Гераклидов в пятом поколении обрушится месть со стороны Мермнадов. (11) С этого времени Гигес, сын Даскила, стал царствовать над лидийцами и взял себе в жены мисиянку, которую привел себе в жены Адиятт, нисколько не злопамятуя по поводу того, что она наговорила о нем Адиятту. Ликсу же он приказал не появляться ему на глаза и поклялся в противном случае закопать его там, где в первый раз его увидит. Услышав запрет, Ликс с тех пор ходил по другим дорогам, избегая царских. Гигес очень желал его схватить, но не хотел делать этого, нарушив соглашение. (12) Кто-то из друзей посоветовал ему, раз он хочет взять его без нарушения договора, направиться по тем дорогам, по которым обыкновенно ходил Ликс, и добавил, что он знает эти дороги. Гигес распорядился, чтобы этот человек был его проводником, а сам поехал на колеснице по указанным дорогам. И вот, как-то по воле рока Гигес повстречался с ним на повороте дороги. Поскольку место было узким, и Ликсу не было куда укрыться с глаз царя, он подлез под колесницу и там спрятался. (13) Гигес заметил это и приказал его вытащить. Когда слуги извлекли Ликса и поставили перед колесницей, Гигес сказал: «Здесь я тебя, Ликс, должен закопать: ведь мы так условились». Тот же, нисколько не пытаясь задобрить его, сказал: «Справедливее было бы так пострадать тебе: я тебя избегал, а ты, преследуя меня, пошел по дороге, неприличной для царя». Тогда друзья после долговременного размышления посоветовали Гигесу освободить Ликса от казни. Гигес заявил, что поклялся закопать его там, где первый раз встретит. Они же предложили: «Когда он умрет, ты похорони его на этом месте, и клятва твоя будет соблюдена». Гигес внял советам и отпустил Ликса. (14) После этого он позвал его на пир, велел ему лечь на землю, положил перед ним кости и плохую еду, а для питья налил уксусу и спросил пирующего Ликса, каково ему пировать. Тот же ответил: «Как и полагается у врага». Гигес громко рассмеялся, стал угощать Ликса тем, что лежало перед ним самим, и вообще стал благожелательнее. Со временем он, окончательно примирившись с Ликсом, сделал его своим приближенным и уже совершенно не помнил о старом.

57 (48; 50)

Exc. De insid., p. 17,6: Орест, убийца матери, пришел в Афины в царствование Демфонта, после которого царем был Оксинт, а потом Фимет. Зная, что после кончины отца царство предназначено его законнорожденному брату, Фимет коварно убил его и завладел престолом.

58 (49; 51)

Exc. De virt., I, p. 340, 16: Гиппомен, правитель афинян, был лишен власти по такой причине. Была у него дочь, которую тайно обесчестил один из горожан. Гиппомен в гневе запер ее в конюшне, привязав к коню и не давая пищи ни ей, ни животному.

И вот конь, терзаемый голодом, набросился на девушку, растерзал ее и вскоре сам сдох. Потом это строение было скрыто, а место стало называться местом Коня и Девы.

59 (50; 52)

Exc. De insid., p. 17,11: Сыновья Батта, Аркесилай и его братья, враждующие между собой, принудили сражаться и киренейцев, приведя против них ливийцев. Киренейцы потерпели поражение: на войне у них погибло семь тысяч. Поэтому Аркесилай выпил яд. Его, умиравшего мучительной смертью, задушил Леарх. Леарха убила жена Аркесилая Эриксо, а власть перешла к сыну Аркесилая хромого Батту.

60 (51; 53)

Exc. De insid., p. 17,18: Фокейцы, воюя с жителями Орхомена, напав на их поселения, захватили и увели в плен много женщин, которые сделались их наложницами и родили им детей. Когда подросло много таких незаконных детей, законнорожденные, испугавшись, изгнали их из своей страны. Они сначала отправились в Аттику, в Форик, выбрали себе предводителей и отплыли вместе с ионийцами. Были с ними и многие целопоннесцы. Находясь со своими кораблями у реки Герам, они захватили один островок недалеко от берега, выдержали натиск множества сбежавшихся варваров, одолели их и, перебравшись на один холм, задумали соорудить земляной вал между островком и холмом. Так как Мени, тиран Кимы, бывший тогда владыкой этой местности, стал им препятствовать в сооружении вала, то его брат Ватия заключил с фокейцами союз дружбы и взаимного брака при условии, что он свергнет Мена, а им даст землю в полную собственность. Они согласились. Ватия с кимейцами, которых он смог привлечь на свою сторону, выступил против Мена. Так как народ сразу присоединился к Ватии, то он победил в сражении и выдал своего брата кимейцам. Они его убили, собственноручно побив камнями, а царем поставили Ватию. Он прежде всего позаботился о выполнении договора с фокейцами, который касался их самостоятельности. Кимейцы повиновались Ватии и отдали землю.

61 (52; 54)

Exc. De insid., p. 18,9: Леодамант, царствуя над милетцами, стяжал у них весьма много похвал, так как он был справедлив и любим гражданами. Амфитр, желая гибели Леодаманта, убил его, когда он во время праздника Аполлона шел к святилищу, чтобы принести богу гекатомбу. Амфитр со своими сообщниками захватил город, сделался тираном и стал властно править милетцами. Сыновья и друзья Леодаманта ночью ушли в Ассес, где их охотно принял правитель города, ранее назначенный Леодамантом. Спустя немного времени Амфитр с войском двинулся против них и, расположившись около города, стал его осаждать. Терпя лишения, ассесцы некоторое время держались, а потом отправили своих людей в святилище и стали вопрошать бога об исходе войны. Бог ответил, что из Фригии к ним придут спасители, которые отомстят за убийство Леодаманта и избавят от бед ассесцев и милетцев. Осада затянулась. И вот однажды пришли из Фригии двое юношей, Тот и Онн, которые за ручки несли запертый ящик со святынями Кабиров. Еще была ночь, когда они подошли к городской стене и потребовали, чтобы их пустили. Стражники их не пускали, спросив, кто они такие. Юноши ответили, что по повелению бога несут из Фригии святыни на благо милетцам и ассесцам. Тогда стражники, вспомнив предсказание оракула, пустили их. С рассветом на городской площади собрались сыновья Леодаманта и все остальные осажденные и стали расспрашивать фригийцев, кто они и зачем пришли. Юноши сказали, что им бог приказал прийти со святынями в Ассес для того, чтобы отомстить за убийство Леодаманта (хотя они и не знали, кто он) и, кроме того, — для избавления от бед милетцев и ассесцев; чтобы это исполнилось, они должны совершить жертвоприношение, как положено у них по обычаю. Услышав это, весь народ обрадовался (ведь все это совпадало с изречениями оракула). Ассесцы пообещали поместить у себя принесенные святыни и почитать их, если все исполнится. Потом, совершив священный обряд, фригийцы приказали им в полном вооружении двинуться всем войском на вра-

гов, неся эти святыни перед строем. Так они и сделали. Сторонники Амфитра выступили навстречу ассесцам, но как только приблизились к ним, обратились в бегство, объятые ужасом перед святынями. Ассесцы, бросившись за ними, одних стали убивать, а других преследовать. Амфитра уже убили сыновья Леодаманта. Так для милетцев окончились и война и тирания.

62 (53; 54)

Exc. De insid., p. 19,15: Потом народ избрал эсимнетом Эпимена, который получил право убивать, кого захочет. Он не смог захватить ни одного из сыновей Амфитра (так как они из страха сразу обратились в бегство). Имущество их он конфисковал и объявил награду за их убийство. Трех участников убийства он предал смерти, а остальных приговорил к изгнанию; они удалились. Так положен был конец власти Нелидов.

63 (54; 55)

Exc. De insid., p. 19,22: После того как аргонавты доставили золотое руно Пелию, Ясон сразу по возвращении стал замышлять его убийство, чтобы захватить власть, а Медея пообещала ему сделать это без особого труда. Она, не откладывая, разговори-лась с его дочерьми и убедила их в том, что сможет при помощи зелья превратить их старика-отца в молодого человека, если они, разрубив отца на части, бросят его в кипящий котел. В подтверждение своих слов она, как говорят, разрубила несколько старых овец и превратила их в молодых. Полностью убежденные этим примером дочери убили отца. И так как ничто из ожидаемого не исполнилось, они впали в великую скорбь. Жители Иолка за это деяние возненавидели Медею и Ясона, покарали их изгнанием (они удалились в Коринф), а наивно обманутых дочерей Пелия простили, так как они не преднамеренно убили отца, а спасая его от смерти и старости. У могилы Пелия были устроены большие погребальные игры, учреждены величайшие награды и самые влиятельные граждане города взяли в жены дочерей Пелия, как если бы они совсем не были запятнаны убийством. У Пелопии родился Кикн, с которым сражался Геракл в Итоне, городе Ахайи. Царем в Иолке стал сын Пелия Акаст после того, как отец его погиб, а Ясон с Медеей отправились в изгнание в Коринф.

64 (55; 56)

Exc. De virt., I, p. 340,23: Супруга Акаста, влюбившись в Пелея, завела с ним речь об этом, но он ответил отказом. Боясь, как бы он не рассказал обо всем ее мужу, она заранее стала клеветать на него, будто он посягал на ее ложе. Тогда Акаст с отрядом устроил засаду и стал подстерегать Пелея. Но он, узнав об этом, сам двинулся на него войной, призвав на помощь Тидаридов и Ясона, врага Акаста, с которым был дружен из-за совместного плавания на «Арго». С их помощью Пелей захватил Иолк и убил супругу Акаста.

65 (56; 57)

Exc. De virt., I, p. 341,6: Конец жизни Ликурга был следующий. Желая, как говорят, спросить богов о некоторых еще не установленных законах, он взял клятву с лакедемонцев, что они не отменяют ни одного из уже принятых законов до тех пор, пока он не вернется обратно. Они дали клятву, и он покинул Лакедемон. Вопросив оракула, он услышал от бога в ответ, что государство будет пребывать в благополучии, если сохранит верность его законам. Ликург решил больше не возвращаться, считая, что клятва прочно охраняет законы. (2) Узнав об этом, лакедемонцы за его прежнюю добродетель и за ту доблесть, которую он проявил, осудив себя на смерть, посвятили ему храм, воздвигли алтарь и как герою круглый год стали приносить жертвы. (3) Ибо спартиатам было ясно, что он один послужил причиной всех их добродетелей и их главенства среди других народов, между тем как ранее они ничем не выделялись. Он не только установил у них замечательные законы, но следующим способом заставил их, волей-неволей, жить по этим законам.

Взяв двух щенков от одной собаки, он вырастил их отдельно друг от друга в совершенно различных условиях: одного — при доме, давая ему мясо и прочие лакомства, а другого — заставляя охотиться на зверей и выслеживать их в горах. И каждый из них вырос в зависимости от воспитания. Когда однажды спартиаты совещались в народном собрании о войне с периеками и были в весьма затруднительном положении, Ликург вывел на середину обоих щенков, приказал привести косуль и принести похлебку и прочую приготовленную еду и сказал: «Вот, спартиаты, вы можете видеть, что причина благополучия или неудач заключается только в том, по каким обычаям жить: по дурным или по мудрым. Вот эти (он указал на щенков) родились от одной матери, но выращены в прямо противоположных условиях и поэтому стали совсем не похожи друг на друга. Один приучен к охоте, другой — к готовым лакомствам, и они оба при любых обстоятельствах продолжали бы себя вести привычным образом». И он приказывает псарю одновременно дать щенкам приготовленную для них пищу. Щенок, выращенный при доме, бросился к похлебке, а выращенный на охоте накнулся на косулю, схватил ее и разорвал. И Ликург снова сказал: «Считайте, спартиаты, что это относится к вам и ко всем остальным людям, ибо какими обычаями и законами вы будете пользоваться, такими людьми вы обязательно окажетесь в трудах и на досуге. Ведь из всего, данного богами людям, можно извлечь урок. Труднолюбиво сощущствует независимость, благополучие и превосходство над всеми, а изнеженности — раболепство, низость и никчемность». Говоря так, он стал побуждать спартиатов изменить установившийся образ жизни и привыкнуть к лучшим законам. Со времени принятия новых законов они в короткий срок явно превосходили доблестью не только периеков, но и остальных эллинов. В течение пятисот лет непрерывно владея гегемонией, они достигли большой силы.

Конец шестой книги Николая Дамасского.

КНИГА 7

66 (57; 58)

Exc. De insid., p. 20,6: Кипсел, Бакхиад по материнской линии, был первым, кто убив последнего Гиппоклида, следующим образом стал царствовать вместо него. (2)⁹ Существовало пророчество о том, что Кипсел, сын Аетиона, свергнув Бакхиадов, отберет у них власть. И вот, как только он родился и лежал еще в пеленках, к нему были тайно подосланы какие-то щитоносцы, которым было приказано его убить. Когда они с этой целью вошли в дом и уже собирались убить ребенка, он протянул к ним руки и улыбнулся. Тогда в душу их вошло сострадание, и они решили, что не убьют его, а, сказав правду отцу, уйдут прочь. (3) Они сделали так, как решили, а Аетион тайно отправил его в Олимпию и воспитал как заступника перед богом. Потом, осмелев, он перевел его в Клеоны, когда тот был еще мальчиком, но уже от многих отличался своей внешностью и добродетелью. (4) Спустя некоторое время, Кипсел, желая вернуться в Коринф, обратился к дельфийскому оракулу. Получив благоприятное предсказание, он, не медля, отправился в Коринф и быстро завоевал восхищение и уважение граждан, так как он был мужествен, разумен и заботился о благе народа в противоположность остальным Бакхиадам, гордцам и насильникам. (5) А когда он стал полемархом, коринфяне возлюбили его еще больше, ибо он оказался лучшим из всех, занимавших эту должность. И все прочее он делал как следует. Например, у коринфян существовал закон, согласно которому осужденных по суду следовало отводить к полемарху и держать взаперти до внесения денежной пени, часть которой должна принадлежать полемарху. Сам же он не запер и не связал ни одного гражданина, но одних освобождал под поручительство, а за других ручался сам и всем уступал причитающуюся ему долю. За это его особенно полюбил народ. (6) Видя, что коринфяне враждебно настроены к Бакхиадам и не имеют защитника, с помощью которого могли бы свергнуть их, он предоставил себя в их распоряжение и стал во главе народа. Одновременно он рассказал о пророчестве, согласно которому Бакхиадам суждено погиб-

нуть от самих себя. Он говорил, что подобно тому как и раньше они пытались убить его, когда он только что родился, так и теперь они злоумышляют против него, но нельзя отвратить то, что предопределено судьбой. Коринфяне охотно допускали эти разговоры, так как они сами были враждебно настроены по отношению к Бакхиадам и благосклонны к Кипселу. Они верили в его мужество и в успех дела. Наконец, организовав сообщество заговорщиков, он убивает царствовавшего Патроклида³⁴, который попирает законы и был невыносим. Народ тотчас вместо него сделал царем Кипсела. (7) Он возвратил изгнанников и вернул права гражданства тем, у которых Бакхиады отняли эти права. Теперь он мог распоряжаться этими людьми, как хотел. Недругов своих он вывел в колонии, чтобы легче править остальными. Своих незаконнорожденных сыновей Пилада и Эхиада он отправил в качестве основателей колоний в Левкаду и Анакторий, а Бакхиадов изгнал и конфисковал их имущество. Они удалились на Керкиру. Кипсел же спокойно правил Коринфом, не имея при себе копьеносцев и не вызывая ненависти у коринфян. Процарствовав тридцать лет, он скончался, оставив четырех сыновей, из которых законным был Периаандр, а остальные — незаконные.

67 (58; 59)

Exc. De virt., I, p. 342, 22: Периаандр, сын Кипсела, царя коринфян, как старший в роде получил от отца царскую власть. Жестокостью и насильем он превратил ее в тиранию и окружил себя тремя сотнями копьеносцев. Он стал препятствовать гражданам в приобретении рабов и не оставлял им свободного времени, выскивая для них постоянно какие-то дела. Если же он заставлял кого-нибудь сидящим на рыночной площади, то подвергал его каре, боясь, как бы не составили против него заговор. (2) Говорят, он совершил и другое нечестивое дело: охваченный страстью, он вступил в связь с только что скончавшейся супругой. Он был виновным и постоянно совершал походы; выстроив триеры, он плавал по обоим морям. Некоторые говорят, что он был одним из семи мудрецов, но это не так.

68 (59; 60)

Exc. De insid., p. 21, 18: В старости у коринфского тирана Периаандра погибли все сыновья: Эвагор умер при выведении колонии в Потидею, Ликофрон — устанавливая тиранию у периеков, Горг, правя лошадьми, упал с колесницы и сломал шею, а Николай, который оказался самым скромным, был коварно убит керкирцами следующим образом. (2) Периаандр хотел, чтобы после его смерти власть осталась у его сыновей. Считая, что коринфяне подчинятся его воле и согласятся на то, чтобы быть под властью кроткого Николая, он решил удалиться на Керкиру, а Коринф передать Николаю. Несколько керкирцев узнали о замысле Периаандра. Желая спасти свой город и боясь прибытия Периаандра, они объединились и убили Николая, который находился у них. (3) Периаандр, собрав войско, вторгся на Керкиру и, захватив город, предал смерти пятьдесят человек, виновных в убийстве, а их многочисленных сыновей отослал к Аллиату, царю лидийцев, для оскпления. По пути остановившись на Самосе, они обратились с мольбой к Гере, и самосцы, узнав обо всем, спасли их. (4) А Периаандр вернулся в Коринф, передав Керкиру своему племяннику Псамметиху, который был сыном Горга.

69 (60; 60)

Exc. De insid., p. 22, 4: Наследником царской власти Периаандр оставил Кипсела, другого сына своего брата Горга, который, придя с Керкиры, сделался тираном Коринфа на недолгое время. Он правил до тех пор, пока несколько коринфян не составили заговор и не убили его, освободив город. Народ срыл дома тиранов, конфисковал их имущество. Могилы их предков были разрыты, и кости выброшены вместе с непогребен-

³⁴ Патроклид и упоминаемый в начале фрагмента Гиппоклид одно и то же лицо, см. J a c o b y, ук. соч., *Zeitgeschichte*, С, стр. 248.

ным трупом Кипсела. (2) И сам народ тотчас учредил следующий государственный строй: была создана коллегия восьми пробулов и совет девяти из числа остальных граждан. Смотри «О политике».

70 (61; 61)

Exc. De insid., p. 22,14: Сикионский тиран Мирон, который вел свой род от Ортагора, был человеком распущенным во всем, в том числе и в отношении женщин. Он бесчестил их, чиня насилие не только тайно, но и явно. В конце концов он вовлек в преступную связь супругу брата своего Исодема. (2) Тот же, узнав об этом, сначала остался спокойным, а потом, терзаясь, рассказал все другому брату, вернушемуся из Ливии. Исодем, как говорят, по характеру был простодушен и честен, а брат его Клисфен — коварен.

На вопрос, что делать, Клисфен ответил, что и одного дня не стал бы терпеть, но покарал бы виновного, убив своими руками. Говоря это, он натравлял Исодема на Мирона и надеялся завладеть тиранией в случае, если один погибнет, а другой, окременный кровью брата, не сможет даже принимать участия в жертвоприношениях. (3) Так и случилось. На восьмом году правления Мирона Исодем убил его, застав у своей супруги. Потом, горестно причитая, он рассказал обо всем Клисфену, а тот ответил, что ему жаль обоих: и умершего, пострадавшего от брата, и его — за то, что убил брата, он теперь не сможет приносить жертвы богам, и вообще надо бы, чтобы это сделал кто-нибудь другой. Для того чтобы не лишиться власти, Исодем, убежденный в правдивости брата, на год взял его в соправители. Так Клисфен из-за простодушия брата достиг того, что задумал, и они оба стали управлять Сикионом. (4) Однако люди более тяготели к Клисфену, как к человеку, внушающему страх и предприимчивому; к нему перешли и друзья Исодема. В конце концов он лишил Исодема власти при помощи такой хитрости. Был среди горожан некий Хардидем, друг Исодема. Видя, что Клисфен более деятелен, он пришел к нему и завел речь о дружбе. Так как Харидем дал многочисленные обещания, то Клисфен приказал ему в знак верности своим словам пойти к Исодему и уговорить его удалиться по обычаю на год в изгнание из-за убийства, чтобы ему, очистившись, получить возможность приносить жертвы, а его сыновьям — править. В противном случае трудно будет ему, виноватому, сохранить тиранию и передать ее своим потомкам. Харидем одобрил это предложение и стал советовать Исодему уйти на год в изгнание. (5) Он как человек простой поверил в искренность слов Харидема и отправился в Коринф, передав тиранию Клисфену. А тот, как только он удалился, стал клеветать на Исодема, будто он злоумышлял против него, чтобы править одному. Вооружив войско под этим предлогом, Клисфен воспрепятствовал его возвращению, и сам стал тираном, самым властным и самым жестоким из всех, бывших до него.

Много раз отправлял он войска на помощь другим городам, чтобы приобрести союзников. (6) Умер он на тридцать втором году своего правления.

71 (62; 62)

Exc. De virt., I, p. 343,6: Магнет был родом из Смирны, красивее всех с виду, искусный в поэзии и музыке. Красоту своего тела он подчеркивал великолепными украшениями; он одевался в пурпур и отпускал волосы, делая при помощи золотой повязки высокую прическу. Он ходил по городам, показывая свое поэтическое искусство. В него влюблены были многие, а особенно пылко Гигес, у которого с ним была любовная связь. Где бы ни был Магнет, он сводил с ума всех женщин, особенно магнетских, и делал их своими любовницами. Их родные тяжело переносили позор; воспользовавшись тем, что Магнет в своих песнях воспел храбрость лидийцев в конном сражении с амазонками, а о них, магнетях, совсем не упоминал, они напали на него, разорвали одежду, остригли волосы и нанесли всяческие увечья. Сильно вознегодовав на это, Гигес стал часто нападать на землю магнетов и в конце концов взял город. Возвратясь в Сарды, он устроил пышное всенародное празднество.

72 (63; 63)

Exc. De virt., I, p. 343,21: Лидийский царь Садиятт, сын Алиатта, был храбр на войне, но вообще невоздержан. Ведь однажды он, позвав якобы для жертвоприношения свою сестру, жену Милета, уважаемого человека, силой овладел ею и с тех пор жил с ней как с женой. (2) А Милет был внуком Мелана, зятя Гигеса. Так как Милет не мог этого вынести, то он поспешно удалился в Даскилий. Но Садиятт изгнал его и оттуда, и он удалился в Проконнес. Садиятт же немного спустя женился на двух других женщинах, которые были сестрами друг другу. От них он имел двух незаконных сыновей — от одной Аттала, от другой — Адрамита, а от своей сестры — законного сына Алиатта.

73 (64; 64)

Exc. De virt., I, p. 344,5: Алиатт, сын Садиятта, царь лидийцев, в юности отличался заносчивостью и невоздержанностью, а сделавшись взрослым, стал очень благоразумным и справедливым. (2) Он повел войну с жителями Смирны и взял их город.

74 (65; 65)

Exc. De virt., I, p. 344,9: Алиатт, отец Креза, лидийского царя, отправляясь в поход на Карию, приказал своим полководцам вести в установленный день войско на Сарды. В числе их находился и Крез, который был старшим из его детей и который был назначен правителем Адрамиттия и области Фив. Он, как говорят, из-за своей невоздержанности оказался к этому непригодным, кроме того, его в чем-то оклеветали перед отцом. (2) Желая освободиться от этих обвинений и не имея средств для расплаты с войнами (ведь он пользовался наемниками), он пришел к купцу Садиятту, который был самым богатым среди лидийцев, чтобы взять взаймы. Тот сначала велел Крезу подождать у дверей, пока он вымоется, затем в ответ на его просьбу сказал, что у Алиатта много детей и что если всем им нужно давать деньги, то их не хватит, поэтому он никак не может исполнить его просьбу. (3) Говорят, что Крез, потерпев неудачу у этого человека, в поисках денег отправился в Эфес. Тогда-то он дал обет Артемиде принести ей в дар все свое имущество купца, если станет царем. (4) Был у Креза один друг, муж ионийского происхождения, по имени Памфаэс, сын очень состоятельного купца Феохарида. Этот друг, видя желание Креза, всячески стал просить отца дать ему тысячу статов. Получив от него, он отдает их Крезу. За это впоследствии Крез, став царем, возвеличил Памфаэса и, приведя его в акрополь, подарил ему повозку, полную золота. Имущество свое Крез принес в жертву Артемиде, отдав дом даже с его фундаментом, так чтобы, согласно обету, у него ничего не оставалось. (5) Крез, взяв тысячу золотых, собрал войско и в установленный день первым привел его и показал отцу, а затем вместе с ним вторгся в Карию. Благодаря таким своим действиям он становится сильнее тех, кто клеветал на него.

75 (66; 66)

Exc. De insid., p. 23,23: В Азии после смерти Астибара³⁵, царя мидийцев, власть принял его сын Астиаг, который, как гласит молва, был после Арбака наиболее замечательным царем. В его царствование произошли великие перемены, в результате которых власть от мидийцев перешла к персам. Произошло это по такой причине. (2) У мидян принят закон, по которому всякий бедняк, приходящий ради прокорма к состоятельному человеку и отдавший себя с тем, чтобы его кормили и одевали, считается как бы его рабом. Если принявший не предоставит того, что полагается, позволено уйти к другому. (3) И вот, один мальчик по имени Кир из рода Мардов приходит к царскому слуге, распоряжавшемуся уборкой дворца. Был же этот Кир сын Атрадата, который разбойничал из-за бедности. Его жена, по имени Аргоста, мать Кира, жила тем, что пасла коз. (4) Итак, Кир ради пропитания предоставил себя в распоря-

³⁵ «Астибара» — чтение F. Jacoby.

жение этому человеку, стал убирать дворец и проявил прилежание. Поэтому распорядитель дал ему лучшую одежду, а затем перевел от тех, кто убирал внешние части дворца, к тем, кто убирал внутренние покои царя, и отдал в подчинение их распорядителю. Тот оказался жестоким и часто бил Кира. Кир перешел от него к носителю святильников. Этот человек полюбил Кира и перевел его ближе к царю, чтобы он был среди тех, кто носит святильники перед царем. (5) Приобретя и здесь хорошую славу, он перешел к Артембару, который распоряжался виночерпиями и подавал царю чашу для питья. Он благосклонно отнесся к нему и приказал наливать вино царским сотрапезникам. Немного времени спустя Астиаг³⁶, увидев, как Кир хорошо и искусно прислуживает и с каким изяществом подает фиал, спросил у Артембара, откуда этот мальчик, который так красиво паливает вино. Тот ответил: «Господин, это твой раб, родом перс, из мардов, отдавший себя мне ради прощания». (6) Артембар был уже стариком. Однажды, когда его лихорадило, он попросил царя отпустить его домой до выздоровления и добавил: «Вместо меня будет тебе наливать вино вот этот юноша, которого ты похвалил (он говорил о Кире). Я, евнух, усыновлю его, если тебе, моему господину, он придется по душе как виночерпий». Астиаг одобрил это. Артембар удалился, предварительно дав много наставлений и ласково простившись с Киrom, как с сыном. А Кир, стоя около царя, подавал ему фиал и наливал вино и днем и ночью, выказывая большую скромность и выносливость. (7) Артембар от своей болезни умер, успев усыновить Кира. Поэтому Астиаг дает ему, как сыну, все достойные Артембара и много других даров. И он стал велик, и имя его повторялось повсюду.

(8) Была у Астиага дочь, очень знатная и красивая, которую отец просватал мидийцу Спигтаму, дав в приданое всю Мидию. (9) Кир вызывает отца Атрадата и мать Аргосту из земли мардов. Они явились к нему, достигшему уже высокого положения. Мать рассказала Киру сон, приснившийся ей, когда она, беременная, заснула в храме, еще в то время, когда она пасла коз у мардов. «Приснилось мне, что, пося тебя, Кир, я столько испустила мочи, что ее количество было подобно течению большой реки, и эта моча затошила всю Азию и дотекла до моря». Отец, выслушав, приказал поведать о сне халдеям в Вавилоне. Кир позвал самого сведущего из них и рассказал сон. Тот отвечает, что видение предвещает великое благо и сулит ему высшую почесть в Азии, однако следует скрывать сон, чтобы о нем не услышал Астиаг: «Ведь он злейшим образом убьет и тебя и меня, как толкователя такого сна». Они поклялись друг другу не рассказывать про видение, столь важное и отличающееся от обычных. (10) С этого времени Кир стал значительно могущественнее и сделал своего отца сатрапом персов, а мать — первой среди персиянок по богатству и влиянию.

(11) Кадусии тогда были враждебны царю. Правителем у них был Онаферн, который, предавая свой народ, действовал в интересах царя. Он послал к Астиагу посла с просьбой дать верного человека, чтобы обсудить с ним все связанное с предательством. Царь посылает договориться обо всем Кира. Он предписывает ему вернуться к царю в Экбатаны на сороковой день. И толкователь снов в свою очередь уговаривал Кира отправиться к кадусиям и внушил ему уверенность в себе. (12) Поскольку Кир был деятельным и мужественным, он решил с помощью бога склонить персов к отпадению и попытаться отстранить Астиага от власти, поверив вавилонянину, прекрасно знающему волю богов. И вот они ободряли друг друга: вавилонянин говорил, что богами предназначено Киру свергнуть Астиага и захватить царство и что ему, вавилонянину, это достоверно известно. Кир в свою очередь говорил вавилонянину, что почитит его большими дарами, если все удастся и если он станет царем. Кир принимал во внимание то, что некогда и Арбак, свергнув Сарданапала, присвоил его почести. «Ведь не сильнее же персов мидяне, которым тот доверился, да и Арбак не умнее меня. А судьба и рок благоприятствуют и мне так, как и ему». (13) Когда он, раздумывая об этом, оказался у границ кадусиев, ему повстречался избитый плетью человек, выносивший навоз в корзине. Сочтя это за знамение, Кир рассказал о нем вавилонянину, который

³⁶ В тексте ошибочно Артембар.

посоветовал узнать, кто этот человек и откуда он родом. На вопрос Кира тот ответил, что он перс по имени Оибар. Кир очень обрадовался этому. Ведь имя Оибар на греческом языке означает агафангел — добрый вестник. Вавилонянин сказал Киру, что остальные знамения самые благоприятные, а именно, что твой гражданин является персом и что он несет конский навоз, предвещающий богатство и власть, о чем свидетельствует и само имя. Кир сразу берет с собой этого человека и приказывает находиться при себе. Тот повинуется.

(14) Кир приходит к Онаферну в землю кадусиев, обменивается клятвами верности в задуманном предательстве и возвращается в Мидию. Оибара он награждает конем, персидской одеждой и другими знаками внимания, стал его держать вблизи себя, видя его здравый ум, и вместе с тем убедил вавилонянина поговорить с Оибаром. С этого времени, постепенно сближаясь с ним, он втягивал его в свои замыслы и однажды завел с ним разговор о том, как тяжело ему видеть, что персы угнетаются мидянами, хотя они от природы несколько не хуже. (15) И Оибар сказал: «О Кир, нет теперь мужа храброго и благородного, который захотел бы помешать мидянам в их желании владеть над теми, кто сильнее их». «Как же нет, Оибар?» — спросил Кир. — «Возможно, и есть, но он отличается большой и постыдной нерешительностью, из-за которой он ничего не делает, хотя и в силах». Кир продолжал выпытывать: «А если и появится отважный человек, как он сможет это осуществить?». Тот отвечает: «Во-первых, он привлечет к себе добровольцев — кадусиев: ведь персов они любят, а мидян сильно ненавидят. Затем он подымет персов и вооружит около четырехсот тысяч из них, а они с готовностью сделают это в отместку за то, что терпят от мидян. Страна у них для этого очень удобна: она скалиста и гориста. Если мидяне захотят идти на нее, то этот поход окончится плохо». Кир спросил: «А если появится человек, который возьмет на себя это дело, не поделишь ли ты с ним опасность?». А тот в ответ: «Клянусь Зевсом, особенно если бы ты, Кир, был тем, кто взялся бы за это, раз и отец твой правит персами и ты сам неприкосновеннее и могущественнее всех; ведь если не ты, то кто же?» (16) После этого Кир открывает ему весь свой план, обращается к нему за советом и, видя, что он человек разумный и мужественный, возлагает на него все надежды. Высказывая горячее одобрение, он стал ободрять Кира, а кроме того, подал благую мысль снарядить посольство к отцу Атрадату, призывая его вооружить персов, чтобы они были готовы якобы к содействию царю против кадусиев, на самом же деле — к отпадению. Затем Киру нужно просить у Астиага отпустить его на несколько дней в Персиду для совершения полагающихся по обету жертвоприношений за царя и за его благоденствие, а вместе с тем и за больного отца, которому плохо. Если это получится, следует храбро приниматься за дело. «Право, Кир, не страшно, если жизнь подвернется опасности при совершении великих дел и если придется вытерпеть то, что все равно пришлось бы вытерпеть при бездействии». (17) Кир обрадовался храбрости этого человека и вместе с тем, поднимая его дух, рассказал ему сон своей матери и то объяснение, которое вавилонянин дал этому сну. Оибар, человек сообразительный, еще сильнее стал побуждать Кира и уговорил его следить за вавилонянином, как бы он не сообщил царю о сне. «Если бы ты в самом деле решился убить его, это было бы самое лучшее». На это Кир ответил: «Но это было бы отвратительно!». (18) И вот с этого времени Оибар и вавилонянин стали обедать за одним столом с Киром и вообще были с ним вместе. Перс из страха, как бы вавилонянин не рассказал Астиагу сон, сделал вид, что ночью будет совершать по отцовскому обычаю жертвоприношение Лупе, и попросил у Кира жертвенных животных, вина, слуг, покрывала и остальное, что нужно. Кира же он попросил приказать слугам, чтобы они слушались его. Кир отдал приказ, но сам не участвовал в жертвоприношении, так как за устройство дела принялся Оибар, который ночью приготовил все остальное, в том числе толстые подстилки, чтобы на них пировать, и кроме того вырыл в палатке очень глубокую яму. Все устроив, он стал угощать на пиру вавилонянина, напоил его до пьяна и, послав ложе над ямой, уложил на него вавилонянина и столкнул его в яму. Вместе с ним он сбросил и слугу. (19) А на рассвете, когда Кир отправился в путь, Оибар пошел вместе с ним. Пройдя немного, Кир стал расспрашивать Оибара. Он сначала ответил, что оставил

вавилонянина еще спящим после попойки. Когда Кир стал возмущаться, то он в конце концов открыл правду и сказал, что убил его, так как только в этом видел спасение для Кира и его детей. Кир был удручен происшедшим и еще больше разгневался, так что перестал пускать к себе Оибара; но потом передумал и снова принимал его и пользовался им как советчиком в тех делах, что и раньше. А жене вавилонянина, разузнававшей о муже, он сказал, что его убили разбойники и что он, Кир, похоронил его.

(20) После этого, когда Кир прибыл к царю, Оибар стал напоминать ему о том, что они замыслили, и убеждал осуществить это, а именно, снарядить посольство к персам, вооружить молодежь и просить Астиага дать ему время, чтобы совершить жертвоприношение и ухаживать за отцом, которого мучила болезнь. (21) Кир послушался. Все оружие было уже наготове, и Кир попросил у царя разрешения поехать к персам, чтобы совершить за него жертвоприношение и вместе с тем повидать отца, который плохо себя чувствовал. Но царь не разрешил: будучи расположен к Киру, он желал иметь его при себе. Кир пришел в уныние и дал знать Оибару, что просчитался. Тот же ободрял его и советовал по прошествии некоторого времени снова просить царя о том же самом и добиться своего. Кроме того, следует служить царю еще усерднее, чем раньше, а когда Кир будет обращаться с просьбою к царю, то надо сделать это через другое лицо, а не самому. (22) Кир отправился к царю и попросил самого верного из евнухов, чтобы тот, когда будет удобно, выхлопотал для него у царя разрешение на отъезд. И вот, однажды, когда Кир увидел, что царь находится в шутовском настроении и к тому же подвыпил, он дал знак евнуху, и тот сказал царю: «Твой раб Кир просит позволить ему совершить обещанное им в свое время жертвоприношение, чтобы ты был благосклонен к нему, а вместе с тем и позаботиться о своем отце, которому плохо». И Астиаг, позвав Кира, с улыбкой определил ему срок отлучки в пять месяцев и велел на шестой месяц возвратиться. (23) Кир пал ниц перед царем и назначил вместо себя царским виночерпием Тиридата, до тех пор пока не возвратится сам. Радостным приходит Кир к Оибару, который велел ему немедленно собрать рабов и двгаться в путь. Сам Оибар ночью приводит все в готовность (ведь все заботы лежали на нем), а рано утром они отправились к персам.

(24) Жена вавилонянина, истолковавшего сон Киру, узнала от своего мужа, когда он был жив, о том видении, которое рассказал ему Кир. После смерти мужа она вышла замуж за его брата. И вот, в ту ночь, лежа с ним, она услышала от него, что Кир, достигший великой силы, отправляется к персам. Тогда она сообщила ему о сне и его толковании, слышанном ею от первого мужа, а именно, что Киру предстоит быть царем персов. (25) На расвете этот человек бесстрашно пошел к Астиагу и, добившись через евнуха позволения войти, сообщает царю все, что он слышал от своей жены, а именно, что ее покойный муж-прорицатель на основании вещего сна предрек Киру царствование и что по этой причине Кир сейчас направляется к персам. Это он сам только что слышал от жены. Затем он все по порядку, точно рассказывает о сне и его толковании. Охваченный тревогой Астиаг спрашивает вавилонянина, что следует делать. Тот отвечает: «Немедленно убить Кира, как только он явится. Только одно это приведет к безопасности». (26) Астиаг, отпустив вавилонянина, еще глубже задумался над его словами. Под вечер, выпивая, он позвал наложниц, бывших у него танцовщицами, и кифаристок. Одна из них во время пения произнесла следующее: «Лев отпустил подвластного ему вепря в его логово, где он, набравшись сил, причинит ему большую беду и под конец, будучи даже слабее, подчинит себе более сильного». Когда она это села, Астиаг чувствовал беспокойство, как будто песня намекала на него. Тотчас он посылает к Киру триста всадников, которым он приказывает отозвать его обратно. Если же он не пойдет, то пусть отрубят ему голову и принесут ее. (27) Они отправились и, придя к Киру, сообщили ему то, что поручил Астиаг. А он, или сообразив сам, или по совету Оибара, ответил: «Как же я посмею не пойти, если меня зовет господин? А теперь попируйте, завтра утром мы отправимся к нему». Они это одобрили. Кир по персидскому обычаю разрубил много жареных жертвенных животных, а также быков и стал угощать и подпивать всадников. Он заранее направил к отцу гонца с требованием послать тысячу всадников и пятнадцать тысяч пехотинцев к Гирбе, дружескому

городу, находящемуся на его пути, а остальных персов как можно быстрее вооружить, так как это якобы приказал царь; ведь он не открыл своего замысла.

(28) После пира, когда всадники предались сну, Кир и Ойбар, как были, вскочив на коней, умчались и прибыли в Гирбу еще ночью; Кир стал вооружать людей и строить в боевой порядок тех, кто пришел от отца. Сам он стал на правом фланге, Ойбар — на левом. (29) Когда утром хмель вышел из головы у посланцев Астиага, они, узнав происшедшее, стали преследовать Кира. Придя в Гирбу и обнаружив построенное войско, они завязали сражение. Тогда Кир впервые полностью проявил свое мужество. вместе с тремя персами умертвив двести пятьдесят всадников. Остальные бежали к царю и рассказали о случившемся. (30) Он хлопнул себя по бедрам и воскликнул: «Увы, как часто я убеждаюсь, что не следует делать добро дурным, и все же меня опутывают лживыми речами. Вот и Кира, родом марда, я привлек к себе, избавив его от многих бед, и этим навлек на себя такое зло. Но даже теперь он не обрадуется тому, к чему стремится». И тотчас, позвав военачальников, он приказывает им собирать войско. Когда же был собран один миллион пехотинцев, двести тысяч всадников, три тысячи колесниц, он отправляется на персов. (31) Но и там уже было подготовлено войско Атрадатом, который все знал. И было тридцать тысяч пельтастов, пять тысяч всадников и сто серпоносных колесниц. Когда все войско собралось к Киру, он стал его ободрять. (Смотри «О речах перед войском»).

(32) Затем он сам и отец стали строить войско. Военачальником они назначают Ойбара, человека рассудительного и предприимчивого. Он занимает сторожевыми отрядами узкие дороги и наиболее высокие горы, а население переводит из городов без стен в города, хорошо укрепленные; там же, где было удобно, возводит укрепления. (33) Немного позже Астиаг пришел с войском и сжег покинутые города. Он послал к Киру и его отцу Атрадату послов и стал сильно угрожать и попрекать его былой нищетой; он повелел им возвратиться к нему, обещая только заковать их в крепкие оковы. «Если же вас схватят, — добавил он, — то вы, как плохие люди, плохо и кончите». Кир ответил: «Конечно, не ты Астиаг, познал силу богов, раз не знаешь, что они заставили нас, козопасов, взяться за то дело, которое мы доведем до конца. Мы убеждаем тебя, поскольку и сам ты делал нам добро, и молим богов внушить тебе отвести войска и предоставить свободу персам, так как они сильнее мидян. Смотри, как бы, поработав их, не лишиться остальных». Посол сообщил это Астиагу. (34) Тот в гневе выводит войско на битву и выстраивает его, а сам, взойдя на трон, стал командовать, имея при себе двадцать тысяч коньеносцев. Против него выступает Кир, который, поставив Атрадату на правом фланге, Ойбара — на левом, сам с отборными персидскими силами находится в центре. Тогда начинается жестокая битва. И Кир, и остальные персы убили очень много людей. Астиаг, изливаясь в жалобах на своем троне, воскликнул: «Увы мне, эти персы, пожиратели терминта, как они доблестны!» И через послов стал угрожать своим военачальникам тем, что им предстоит потерпеть, если они не одолеют противников. (35) Персы, теснимые множеством врагов, подходивших один за другим, дрогнули и побежали в город, перед которым сражались. Когда они прибежали, Кир и Ойбар ободряли их, говоря, что убита большая часть врагов, и уговаривали отправить детей и жен в Пасаргады на очень высокую гору, а самим выступить утром и завершить победу. «Всем ведь предстоит умереть, и победителям³⁷ и побежденным. Так лучше погибнуть, если нужно, но победив и освободив родину». (36) От его слов гневом и ненавистью к мидянам воспылали все; отворив на заре ворота, они под водительством Кира и Ойбара пошли в наступление. Атрадат с людьми старшего возраста охранял стену. Против них устремились в полном составе фаланги Астиага с тяжеловооруженными и всадниками. Пока шло сражение, сто тысяч человек, окружив по приказу Астиага город, взяли его, а Атрадату, получившего много ран, отвели к царю. Воины Кира, храбро сразившись, побежали в Пасаргады, где у них были дети и жены. (37) Астиаг, когда к нему привели отца Кира, сказал: «Это тебя, моего доблестного сатрапа, я отличил, а ты со своим сыном воздал мне такую благодарность!».

³⁷ «ἡ νικησασί» — F. Jacoby.

Уже испуская дух, старик ответил: «Не знаю, господин, кто из богов наслал такое безумие на моего сына. Не подвергай меня истязаниям, в моем состоянии я скоро умру». Царь сжалился над ним и сказал: «Хорошо, я тебя совсем не накажу; ведь я знаю, что всего этого не произошло бы, если бы сын не уговорил тебя; я прикажу тебя похоронить так, как будто ты не разделял с сыном того же безумия». (38) Итак, он с почетом и по всем правилам похоронил вскоре умершего Атрадата. Астиаг же по узким дорогам пошел на Пасаргады. С одной стороны были гладкие скалы, с другой — высокая гора с расщелиной. Проходы между ними охранял Ойбар с десятью тысячами гоплитов, и пройти там не было надежды. (39) Узнав это, Астиаг приказал ста тысячам воинам обходить гору вокруг до тех пор, пока они не обнаружат дороги вверх, а затем взобраться на гору и овладеть вершиной. Ойбар и Кир со всеми людьми ночью бежали на другую гору. (40) Войско Астиага вело преследование уже в горах. Затем оно доблестно сражалось, поднимаясь уже вверх по горе. Повсюду были кручи, густые заросли дикой маслины. Но персы сражались еще доблестнее, их ободряли то Кир, то Ойбар. Он напоминал им о детях, женах, престарелых отцах и матерях, которых было бы позорно отдать мидянам на смерть и мучения. Слыша это, они напрягали все силы и с боевым криком шли в наступление. Бросая бесчисленное множество камней из-за недостатка стрел, они прогоняют врагов с горы. (41) Каким-то образом Кир оказался около отцовского дома, где он жил мальчиком, когда пас коз. Там он принес в жертву пшеничную муку, подложив кипарисовые и лавровые дрова и разведя огонь. Он ограничился этим, так как был изнурен и беден. И тотчас справа сверкнула молния и загредел гром. Кир пал на колени. А вещи птицы, сидевшие на крыше дома, предсказали ему, что он придет в Пасаргады. (42) Затем после ужина они заночевали на горе. На следующий день, положившись на предзнаменования, они нападают на врагов, уже влезавших на гору, и долгое время мужественно сражаются. Астиаг поместил пятьдесят тысяч под горой и приказал убивать тех, кто боится подниматься или бежит обратно вниз. Итак, мидянам и их союзникам пришлось двинуться на персов. (43) Тесным множеством врагов, персы бежали на вершину горы, где у них находились жены. Те, подняв платья, закричали: «Куда несетесь, злополучные? Не собираетесь ли вы забраться туда, откуда родились?». Поэтому впоследствии персидский царь по прибытии в Пасаргады одарил персидских женщин золотом и дал каждой за удачные слова двадцать аттических драхм. (44) А персы, пристыженные тем, что увидели и услышали, снова бросились на врагов и, обрушась в едином натиске, выбили их с горы, причем уничтожили не меньше шестьдесят тысяч. Но и тогда Астиаг не прекратил осады. (Смотри «О подвигах и о действиях полководцев»).

(45) После того как произошло много событий, Кир вошел в палатку, сел на трон Астиага и взял его скинстр. Персы его приветствовали. Ойбар же наложил на него китару³⁸, сказав: «Ты более, чем Астиаг, достоин носить ее, так как бог даровал тебе это за твою доблесть, позволив персам царствовать над мидянами». Они снесли все имущество в Пасаргады, причем этим распорядился Ойбар, который назначил надсмотрщиков. Не счесть того, чем обогатились персы, обирая палатки частных граждан. (46) Немного спустя повсюду распространился слух о бегстве Астиага, о его поражении и о том, как боги лишили его власти. Поэтому от него уходили и отдельные люди, и народы. Первым к Киру явился гирканский сатрап Артасир с войском в пятьдесят тысяч человек; он пал ниц перед Киrom и сказал, что он приготовит и другое, значительно большее войско, если только Кир прикажет. А затем сатрапы парфян, саков, бактрийцев и остальных народов приходили друг за другом, стремясь опередить один другого. Наконец, Астиаг остался с немногими. Несколько позже Кир двинул войска, очень легко одержал победу в сражении, и Астиага привели к нему как пленника.

76 (67; 67)

Exc. De virt., I, p. 345,14: Кир, персидский царь, был, как никто другой, сведущ в философии, которой он обучался у магов. В духе справедливости и правдивости он

³⁸ Китара — остроконечная царская шапка.

был воспитан по обычаям, установленным лучшими людьми персов. (2) Кроме того, он вызвал из Эфеса сибиллу Герофилу, которая давала предсказания.

77 (68; 68)

Exс. De virt., I, p. 345,19: Кир жалел лидийского царя Креза из-за присущей ему доблести. (2) Но персы сложили предназначенный для Креза огромный костер под одним высоким местом, откуда собирались наблюдать за происходящим. После этого Кир вышел из дворца, прибыло и все войско, а также громадная толпа граждан и чужестранцев. (3) Немногом позже слуги вывели связанного Креза и с ним четырнадцать лидийцев. Когда стоящие в толпе лидийцы увидели Креза, то все подняли плач и, стесная, стали бить себя по голове. В толпе мужчин и женщины разом пачался вопль со слезами и криками, какого не бывает даже при взятии города. Тогда, конечно, и кое-кто из персов стал жалеть об участи Креза и удивляться любви к нему его подданных. Ведь как будто увидев отца, одни разрывали одежды, другие рвали на себе волосы. Впереди шла несметная толпа женщин, бьющих себя в грудь и рыдающих. Сам Крез шествовал без слов, с угрюмым видом. (4) Хотя Кир видел это, но не препятствовал происходящему, желая, чтобы и у персов возникло сострадание к Крезу. Когда подошедший Крез оказался около Кира, он заговорил громким голосом, прося привести к нему сына. Сын его никогда не лишился дара речи с тех пор, как впервые обрел этот дар, да и в остальном был очень разумен³⁹. Кир распорядился привести юпшу. Немного погодя его ввели в сопровождении многих сверстников. (5) Увидев его, Крез уже не мог сдерживаться и впервые заплакал. Сын, с рыданием и криком припав к отцу, воскликнул: «Увы, отец, какая польза от твоего благочестия?». И, обратившись к персам, продолжал: «Сожгите и меня вместе с отцом, так как я ваш враг не меньше, чем он». Крез возразил: «Неправильно ты говоришь; ведь только я пачал войну, а не вы и никто из прочих лидийцев. Поэтому только я должен понести наказание». (6) Но юноша так вцепился в отца, что его нельзя было оторвать; предаваясь горю, он все кругом оглашал плачем, требуя отвести и его на костер. «Я не хочу, — кричал он, — избегнуть твоей участи, отец! Если теперь мне не позволят, то ожидай меня в скором времени. Какая еще может быть в жизни надежда у меня, бывшего всегда в тягость и тебе, и самому себе с тех пор, как я родился. Когда у тебя было все благополучно, я избегал тебя, стыдись своего уродства — врожденной немоты. Я впервые издал звук тогда, когда у нас начались несчастья. Боги даровали мне членораздельную речь только для того, чтобы я мог сетовать на наши несчастья». Отец воскликнул: «Не теряй веры в себя. Ты молод и тебе еще осталось много жить; ведь даже у меня теплится какая-то надежда, и я не отчаиваюсь в помощи бога». (7) Как раз в то время, как он это говорил, подошло очень много служанок, которые принесли дорогие одежды и множество других украшений, посланных лидийскими женщинами для сожжения. Поцеловав сына и стоявших кругом лидийцев, Крез взошел на костер. Сын, воздев руки к небу, воскликнул: «О, владыка Аполлон и все боги, которых чтит мой отец, придите теперь нам на помощь и не дайте погибнуть вместе с Крезом всему человеческому благочестию». Так он кричал, и друзья с трудом увели его, порывавшегося броситься в огонь. (8) Когда Крез всходил на костер, показала сибилла, спускавшаяся с одной высокой горы, чтобы самой увидеть происходящее. Тотчас в толпе прошел слух, что приближается прорицательница, и все замерли в ожидании того, не предскажет ли она чего-нибудь по поводу совершающегося. Немного погодя, она заговорила громким голосом и произнесла:

«Что домогаетесь вы запрещенного богом, безумцы,
Зевсом владыкою, Фебом и славным Амфиараем?
Правде моих пророческих слов скорей повинуйтесь,
Участи злой от богов, безумные, не павлекайте!»

³⁹ Пифия предсказала Крезу, что его сын, немой от рождения, заговорит впервые в тот день, когда Крезу будет угрожать смерть (Herodoti historiarum libri, IX, I, 85, P., 1887).

(9) Услышав предсказание, Кир приказал растолковать его персам, чтобы они остерегались совершить грех. Но персы подозревали, что сибилла затеяла это для спасения Креза. А тот уже находился на костре и с ним было четырнадцать лидийцев. Персы со всех сторон несли факелы и поджигали костер. В наступившей тишине Крез громко застонал и трижды назвал имя Солона. Услышав это, Кир стал горевать при мысли, что творит недостойное, сжигая по настоянию персов царя, который в свое время несколько не был ниже его по положению. Уже и персы пришли в замешательство и беспокоились одни за Креза, другие — за своего царя, видя, как он всем этим взволнован. Они стали просить сохранить жизнь Крезу. (10) Тотчас и Кир послал своих приближенных с приказом потушить огонь. Но костер разгорелся и пылал со всех сторон, так что к нему нельзя было подойти. Говорят, что тогда Крез, возведя взор к небу, молил Аполлона помочь ему, так как даже враги хотят его спасти, но не могут. День с самого утра был пасмурным, но дождя не было. Когда же Крез помолился, внезапно небо потемнело от набежавших со всех сторон туч. Загремел гром, и непрерывно засверкали молнии. Обрушился такой ливень, что он не только потушил костер, но и люди с трудом удерживались на ногах.

(11) На Креза тотчас накинули пурпурное покрывало. Люди были перепуганы как мраком и бурей, так и блеском молний. Кроме того, их давили лошади, испугавшиеся ударов грома. Всех охватил страх перед богами. Вспомнились предсказания сибиллы и изречения Зороастра. И громче прежнего стали требовать освободить Креза. Сами же они бросились на землю, моля богов о милосердии. (12) Некоторые говорят, что Фалес по каким-то знамениям предвидел, что будет такой ливень, и ожидал этого часа. Кроме того, персы указали на предписание Зороастра не сжигать трупов и ничем другим не осквернять огня. И этот ранее установленный закон персы тогда подкрепили. (23) Кир ввел Креза во дворец, радушно принял его, убедясь, что он очень благочестив. Он велел Крезу не молчать о своих желаниях, а высказать их. Тот сказал: «О господин, если боги отдали меня под твою власть, а ты проявляешь ко мне такую доброту, то, прошу тебя, позволь мне послать эти оковы в Дельфы и спросить бога, почему он обманул меня, заставив своими пророчествами идти на тебя и предсказав, что я останусь невредим? Я посылаю ему первые плоды этой войны». При этом он указал на оковы. «Неужели же эллинские боги не помнят о своем распоряжении?». Кир засмеялся и сказал, что позволяет это Крезу, да и в другом, более значительном ему не будет отказа. (24) В скором времени Кир сделал Креза своим другом. Отбывая из Сард, он возвратил детей и жен, а самого Креза взял с собой. Некоторые даже говорят, что он предоставил бы ему власть над городом Сардами, если бы не боялся государственного переворота.

(Продолжение следует)

